

Юлианна Клермон



ОН ПРИВЫК
КОМАНДОВАТЬ
НО С НЕЙ ЭТОТ
НОМЕР НЕ ПРОЙДЁТ

Live
& Ride
⚡

МАРМЕЛАДКА для ефрейтора

БАЙКЕРЫ | ИСКРЫ МЕЖДУ ГЕРОЯМИ | ИДИ К ЧЁРТУ | ЭМОЦИОНАЛЬНО

Юлианна Клермон

Мармеладка для ефрейтора

<https://litres.ru/74425902>

Аннотация

ОН ПРИВЫК КОМАНДОВАТЬ, НО С НЕЙ ЭТОТ НОМЕР НЕ ПРОЙДЁТ

Случайная встреча в Питере привела к тому, что он прицепил мне прозвище и украл поцелуй, за что огрѣб по наглой медвежьей морде.

А потом явился через год и прилип как банный лист к тазику. Результат: мой разбитый телефон, испорченные нервы и... яркие фееричные чувства на грани. А может даже немножко за ней.

Это же какой-то майнд блоу! По-русски говоря, взрыв мозга!

– Медведь, ты в курсе, что ты солдафон? – Следи за язычком, мармеладка. Накажу! – Да-а? Ну, это мы еще посмотрим!

Счѣт 563:1 в его пользу. Но партия ещё не доиграна. Потому что я ему не мармеладка, а он не в сказку попал!

Ну что, погнали наши городских?

Быстро. Остро. Откровенно. ✓ ХЭ обязателен △ 18+

Четвертая книга цикла «Любовь вне расчѣта»

Все истории автономны

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	67
Глава 9	77
Глава 10	86
Глава 11	95
Глава 12	105
Глава 13	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1

– Тётъ Наташ, дайте бутылку воды без газа, – нетерпеливо указываю на холодильник со стройными рядами живительной влаги.

Пока полноватая продавщица неспешно ковыляет в дальний угол, кидаю недовольный взгляд через плечо на покидающую магазин шумную группу мужчин в чёрных косухах и кожаных штанах.

Понапёрлось байкеров. У меня подруга на улице сейчас в обморок грохнется, а я тут целую очередь отстояла. И хоть бы одна зараза пропустила. Мужики, называется. Носители тестостерона.

– С тебя сорок семь рублей, – тётъ Наташа протягивает воду.

– Ага, картой.

Достаю из кармана телефон, открываю приложение.

– Вот это фокус, – тянет кто-то за спиной. – Мармеладка, а ты здесь откуда?

Да ла-адно!..

Кожа на спине покрывается мурашками, сердце ухает вниз.

Не верю собственным ушам.

Резко разворачиваюсь и задираю голову, сталкиваясь

взглядом с насмешливо прищуренными тёмными глазами.

Гром?..

Языкастый полудурок, из-за которого меня уже год на потоке все мармеладкой называют?! Любитель пихать свой язык, куда ни попадя?!

А он-то что здесь делает?! Почти в двух тысячах кэмэ от Питера!

Хотя... Да пофиг мне, что он здесь делает. Не упёрся!

– Какая я тебе мармеладка? – шиплю. – Нахрен иди, Гром!

– О, ты даже почти запомнила, как меня зовут? – лыбится он, поигрывая бровями.

Морщусь, презрительно скривив губы.

– До фонаря, веришь? – отворачиваюсь, оплачиваю воду и быстро иду к выходу.

– Стой! – он хватается меня за локоть, дёргает назад.

Твою ж душу! Да как так?!

Мой миленький дорогой телефончик, всего месяц назад справивший первый год жизни, вылетает из рук, совершает плавный полёт и со всей дури бьётся о кафельный пол.

– Ты... ты... – в первый момент теряюсь, а потом вспыхиваю как спичка: – Ты что наделал?!

Подхватываю телефон. Весь экран в сетке мелких трещин.

Твою ж! Твою ж!

– Пардон. Я нечаянно, – нависает надо мной, склонившись через плечо.

Что, рассматривает дело рук своих? Баранище!

Нажимаю на экран. Загорается.

Аллилуйя. Ой, семь ноль три! А у Милки встреча в семь. Я же обещала помочь-поддержать-послать одного назойливого нахала.

– За нечаянно бьют отчаянно! Разбитым телефоном по морде! – рычу, вылетая на улицу.

С ужасом смотрю на то место, где оставила подругу, но возле магазина её нет.

Да охренеть просто! Куда делась?!

– Эй, мармеладка, подожди, – догоняет меня Громель, кладёт руку на плечо и уверенно разворачивает. – Да не убегай ты. Давай свой телефон, гляну. Может, ещё не всё потеряно.

Тупорылый идиот! Да какое ему вообще дело?! У меня тут проблемы похлеще разбитого телефона. Тут сейчас судьба у кое-кого рухнет. Если уже не рухнула.

– Я тебя уколошу! – взвизгиваю и сходу бью его кулаком в плечо.

Где теперь эту дуру влюблённую искать? А если уже укастила со своим мачо?

Пипец... Сходила за водичкой...

– Чего дерёшься? Дай телефон посмотрю, – этот баран даже не покачнулся, хотя я врезала от всей души.

– Отвали, я сказала! – мало было одного раза, получай ещё.

Снова луплю его по плечу.

И тут в уши врезается громкий рёв байка.

Резко теряю интерес к одному придурку и с открытым ртом наблюдаю, как Милка, нежно прижавшись щекой к широкой спине своей первой несчастной любви, исчезает вдалеке в облаке дорожной пыли.

Нормальненько я подругу подстраховала... Привела прямо в лапы к этому кобелю. Тётя Таня меня удавит. А я удавлю одну бестолковую бестолочь!

– Проблемы? – снова влезает куда не надо этот гад в футболке с черепом. – Могу помочь.

– Уйди с моих глаз, – кидаю на него испепеляющий взгляд и набираю подругу. – Да давай же, ответь.

Спустившись с крыльца, нервно вышагиваю вперёд и назад. Но ни на пятый, ни на десятый звонок Милка трубку не берёт.

Хочу снова набрать и с ужасом обнаруживаю, что телефон перестал подавать признаки жизни.

Всё... Это вилы. Полные.

– Трындец!.. – обессиленно выдыхаю, хватаясь за голову. Хочется плакать. И убивать. Убивать хочется больше.

– Мармеладка, так что с телефоном?

Да чтоб ты провалился! Отстанешь ты от меня или нет?!

– Гром! – воплю на всю улицу, не обращая внимание на столпившихся у входа в “Старую мельницу” и с удивлением взирающих на меня байкеров. – Я тебя куда послала? Тебе с первого раза было непонятно? Повторить?!

В прошлом году прозвище это дурацкое мне прицепил, губищами куда не просили полез. Сейчас телефон разбил. Мало ему?!

– Марк, тебе помочь? Норовистая кобылка попалась, да? – громко ржёт кто-то из байкеров.

– Завали, – бросает он, сверкнув глазами в сторону шутника, и поворачивается ко мне: – Слышь, мармеладка, поговорим без нервов. Я правда не хотел.

– Да мне до далёкой звезды, хотел или нет. Просто исчезни! – шиплю, сжимая кулаки.

Что такое “не везёт“, и как с этим бороться?.. Где теперь Милену искать? И не вызвонить даже. Может, повезёт, и она не наделает глупостей? Накатается и придёт? Договорились же сегодня у меня ночевать.

Запихиваю разбитый гаджет в задний карман джинсов, разворачиваюсь и молча ухожу. Буду верить в чудо и ждать её дома.

– Скажи, мармеладка, а тебя мама не учила разговаривать с людьми вежливо? – этот гад недобитый догоняет меня в пару шагов, запихивает пудовые кулаки в карманы а-ля военных джоггеров и нагло вышагивает рядом.

Не жарковато ему в берцах ходить? Берцанутый какой-то.

– Слушай, что тебе надо?! – торможу, упирая кулаки в бока и посылая взглядом максимум презрения. – Чего прицепился?

Жизни он меня учить будет! Лучше бы научился держать

язык при себе и не дёргать людей за руки.

– Хотел помочь, – пожимает он плечами.

– Помог уже. Теперь к друзьям своим вали, – указываю в сторону.

– А ты куда? Ты вообще здешняя?

В отчаянии поднимаю голову, сверлю глазами ясное августовское небо. Мне бы сейчас очень пригодилась хотя бы одна маленькая тучка – зафиндырить в лоб молнией одному долбоклюю, чтобы – бац! – и никаких проблем.

Задолбал меня! Реально!

– Нет, блин. Пятиуродного дедушку проведать приехала!

– Да ладно, не злись, – он достаёт из кармана свой телефон, что-то быстро набирает, а потом вытаскивает симку. – Предлагаю честный обмен. Я разбил, значит, с меня телефон. Бери.

– Мне нафиг твой телефон не нужен, – на секунду задерживаюсь на нём взглядом, а потом поджигаю губы и демонстративно отворачиваюсь.

Не возьму, пусть даже не мечтает. Судя по логотипу, маме на такой гаджет месяца два работать. А то и три. И это если вообще ничего не покупать. И даже не есть. И жить на улице.

– Почему?

– Обмен неравноценный, – выплёвываю.

– Тогда бери временно, – не сдаётся он. – Починю твой, верну. А если не починю, куплю такой же. Договор?

Угу, конечно. А если, пока он чинить будет, мне ещё кто-

нибудь такой же безрукий медведь его гаджет жахнет? Точно на улице будем с мамой жить.

– Нет, не договор.

– Да что ты такая коза упрямая? – цедит с досадой Громель. – Говорю, бери, значит, бери.

Он пихает гаджет мне в руки и ловким движением выхватывает из кармана мой телефон.

– Да ты...

У меня слова теряются от его наглости. Это я коза?! Да сам он козёл! Ещё и по карманам без спросу лазает!

– Ты офигел?! Отдай!

Пытаюсь вырвать свой телефон, но эта каланча задирает руку вверх и только насмешливо улыбается, наблюдая, как я прыгаю перед ним, словно собачка.

Упырь недобитый!

– А знаешь что? – выдавливаю сквозь зубы, сдувая со лба длинную тёмную чёлку. – Ты мне действительно должен. И почему бы нет? Гони мою симку и вали нахрен.

Выбесил, придурок!

– Вот так бы сразу, – он быстро вытаскивает симку и протягивает мне. – И номер свой дай, – подмигивает. – Должен же я знать, кому телефон возвращать.

Стискиваю зубы, с трудом подавив желание двинуть ему ещё раз... и, блин, диктую.

– О'кей, запомнил, – лыбится довольно. А потом наклоняется – так близко, что обдаёт меня знакомым запахом пар-

фюма. – Ну ты и язва. На мустанге кататься не хочешь, меняться не любишь. На Пятак хоть придёшь?

– Только после того, как ты нахрен пойдёшь, – шиплю с гаденькой улыбочкой, разворачиваюсь и быстро ухожу.

За спиной раздаётся громкий, раскатистый смех.

Распрямляю плечи и гневно прищуриваюсь.

Смейся-смейся, гадёныш! Я так понимаю, ты на гонки припёрся? Байкер недоделанный. Значит, у меня есть почти полная неделя, чтобы испоганить тебе жизнь ровно настолько, насколько ты мне испоганил её в прошлом году.

И я наизнанку вывернусь, чтобы ты после гонок уехал не обратно в свой Питер, а в ближайшую психушку.

Или я буду не я, не Марго Княжина! Вот так вот!

А то ишь, нашёл мармеладку!

– Эй, мармеладка, – доносится в спину насмешливо. – Телефон держи при себе. Я наберу.

Да ты издеваешься...

Куда и почему уехала Милка, а также, что с ней было до и что стало после, можно узнать здесь:

<https://litnet.com/shrt/GBbP>

Глава 2

Бегу домой.

Внутри всё кипит от возмущения. А как хорошо почти всё лето было! И надо же было какому-то полудурку решить, что ежегодные неофициальные байкерские гонки в этом году нужно проводить у нас!

Кто их вообще сюда звал?! И Захара этого, от которого у Милки крыша на раз слетает, и медведя одного неотёсанного, которого я не то что видеть или слышать, даже помнить не хочу.

Тяжело дышу от удушливой августовской жары, проскакиваю между пятиэтажками и устремляюсь к одной из двенадцатиэтажных “свечек”.

Это же надо, а? Где бы нам ещё встретиться? И не лень же ему было столько километров отмахать на своём байке, чтобы приехать в маленький приволжский городок ради каких-то гонок? Это как надо любить скорость и риск? Не понимаю.

Как неудачно мы с одноклассниками в прошлом июне решили рвануть в Питер, посмотреть на их знаменитое шоу “Алые паруса”.

Рванули, блин! Посмотрели, называется.

Память тут же услужливо подкидывает воспоминания о

том злополучном дне.

Погуляв по Питеру в ожидании начала представления, заходим в небольшой питерский магазин.

Парни остаются на улице, попивая какие-то немудрёные напитки в баночках, а девчонки покупают нехитрый перекус – кто чипсы, кто воду, кто шоколадку.

Стою в очереди почти последняя. Есть не хочу, поэтому беру пачку мармеладных червячков. Глупо, конечно. По-детски. Но мне нравится.

– Что вам? – продавщица вручает мне заветный пакетик и переключается на стоявшую следом за мной Даринку.

Делаю шаг в сторону и сразу же на кого-то натыкаюсь.

– Извините, – бормочу в широкую грудь, обтянутую чёрной футболкой с какой-то рокерской эмблемой.

Хочу сделать шаг назад, но парень прихватывает меня за локоть, удерживая и вынуждая задрать голову.

Нахмурившись, смотрю в насмешливые тёмно-карие глаза.

– Привет. Куда спешишь? Может, познакомимся? Я – Марк Громель. Можно просто Марк. А тебя как зовут, мармеладка? – он рассматривает зажатый в моих руках пакетик.

Щёки вспыхивают, и я в шарахаюсь в сторону, поразившись странной реакции на незнакомого черноволосого парня.

Ну симпатичный. Очень даже. Ну высокий. Тоже очень. И широкоплечий. И косуха в комплекте с кожаными штанами

в облипку и высокими ботами ему очень идут.

А ещё пахнет от него... ненавязчиво, но очень приятно.

И что? Обязательно надо так реагировать, чтобы сердечко плясало, и дыхание сбивалось?

Вот ещё!

– Не твоё дело, – фыркаю. – Отойди, пройти мешаешь.

– Марго, ты выходишь? – нетерпеливо окликает Даринка, локтем пихая меня на выход.

– Маргарита, значит, – ещё шире улыбается парень и сдвигается ровно настолько, чтобы я могла выйти из магазинчика, почти не коснувшись его. Почти.

Молча протискиваюсь мимо него на улицу, стараясь не дышать.

– Телефончик дашь, мармеладка? – выходит он следом.
– Покатаю тебя на своём мустанге. Покажу, какие у нас в Питере звёзды.

Под грохнувший смех ждущих у входа одноклассников вспыхиваю ещё ярче, разворачиваюсь и влепляю ему звонкую пощёчину.

– Ты совсем, что ли? Девочек с трассы на своём мустанге катай, звездочёт недоделанный!

– Ты чего дерёшься, мармеладка? – он потирает щёку, изумлённо приподнимая брови. – Не любишь байки?

Бросаю растерянный взгляд в сторону и вижу припаркованный неподалёку ярко-синий мотоцикл.

Да как я так? По его одежде сразу же было понятно. Это

же надо так облажаться!

– Но ход твоих мыслей мне нравится, – добавляет парень, хитро подмигивая.

Покрываюсь малиновыми пятнами и, кажется, сейчас задохнусь от стыда.

– А мне – нет! – поджимаю губы и быстро ухожу.

До вечера гуляем по городу, а потом отправляемся смотреть шоу. Мы уже год, как не выпускники, но нам всё равно нравится. Тем более, многие из нас в Питере впервые.

Периодически забываю о случившемся в маленьком магазинчике очень неприятном знакомстве, но дорогие моему сердцу одноклассники, некоторых из которых я бы с удовольствием прибила, теперь называют меня исключительно мармеладкой.

Бесят!

В бессильной злобе уже не знаю какой раз двинув в плечо очередному шутнику, отхожу в сторону, протискиваюсь сквозь толпу и облокачиваюсь на парапет, с восторгом наблюдая за фееричным появлением двухмачтового судна с надутыми от ветра алыми парусами.

От невообразимой красоты зрелища на глаза наворачиваются слёзы. Правда, бесят некоторые особо впечатлившиеся девицы, прыгающие и визжащие от избытка чувств и временами задевающие меня локтями или толкающие в спину.

– А я на свой выпускной сюда не приходил, – внезапно хмыкает кто-то на ухо. – Как раз возвращался с гонок из Тве-

ри.

Всё очарование момента пропадает.

Резко разворачиваюсь и попадаю в кольцо двух длинных рук, которые, к их счастью, меня не обнимают, а совершенно спокойно держатся за парапет, создавая вокруг меня пустое пространство.

Поднимаю голову, ловлю иронично прищуренный взгляд. В тёмных глазах Марка отражаются огоньки начавшегося фейерверка.

Залипательное зрелище.

– А... привет, – туплю.

– Привет, – усмехается. – От кого прячешься? Где твои почти бывшие одноклассники?

Удивлённо вскидываю брови, но потом понимаю.

– Они не одноклассники, а одnogруппники. Мы не на выпускной приехали. Просто решили отдохнуть.

– Понятно, – кивает он. – Значит, студенты?

– Ага. А ты?

– Я собираюсь... – начинает он, но не договаривает, потому что кто-то внезапно взвизгивает особенно громко и пихает Марка в спину. От неожиданности он подаётся вперёд и налегает на меня всей грудью.

У меня воздух вышибает из лёгких.

Отклоняюсь назад, упираясь в него ладонями.

– Эй, поосторожней, – недовольно кидает он за спину, но так и продолжает нависать.

Меня обволакивает его запахом и так и тянет встать на цыпочки, чтобы поближе заглянуть в мерцающие глаза.

– М-м... Не мог бы ты выпрямиться? – выдавливаю.

Потому что...

Да потому что это ненормально.

Я этого парня не знаю. Вижу второй и, возможно, последний раз в жизни. И весь тот бред, что сейчас вспыхивает в моей голове, понимать отказываюсь.

– Мог бы, – улыбается он, продолжая нависать.

– Ну вот и отодвинься, – настаиваю.

– А если я не хочу? – тянет лениво. – Тебе же тоже нравится?

Уголок его губ подрагивает в весёлой усмешке.

Что?!

Он сейчас надо мной издевается?

Щёки вспыхивают, и я резко упираюсь сильнее, пытаюсь оттолкнуть его.

– Ты вообще нормальный?!

Это что за поведение? Только что разговаривали, как два цивилизованных человека, и мне даже показалось, что я ошиблась на его счёт. И вдруг... его словно подменили, вернув обратно вот это вот затянутое в кожу хамло.

– Вполне, – спокойно отвечает Громель, не сдвигаясь ни на миллиметр. – Что вижу, то и говорю.

Вы посмотрите на него – что видит, то и говорит. Акын доморощенный. Пальцем в глаз ему торнуть, что ли?

– Отойди от меня, – цежу сквозь зубы.

– Скажи “пожалуйста, Марк“, – он склоняется ещё ниже и пальцы его сжимают уже не парাপет, а меня.

Меня, блин!

Я ему сейчас “до свидания, идиот“ скажу. Прямо в нос.

– Руки убери, – успеваю пискнуть, прежде чем он резко сокращает расстояние и целует меня.

Качественно так целует, со знанием дела. У меня коленки в момент подгибаются и мозги в пляс.

И я уже не помню, что там ему говорила.

Плыву куда-то, то ли возмущённо похлопывая, то ли одобрительно поглаживая его по плечам. Вообще ничего не соображаю, настолько меня захватывает насильное вторжение в рот чужого языка.

Громелю, кажется, это тоже нравится, потому что слышу его довольное порывивание и ощущаю наглые руки на своей пятой точке.

– О, Гром, вот ты где, – неожиданно раздаётся совсем рядом. – Мы тебя уже потеряли. Думали, свалил в бар. А ты тут себе девочку на вечер ищешь.

У меня от этой фразы глаза сами собой распахиваются, и весь флёр дури из головы выветривается.

Что?!

Кого он ищет?!

Марк даже не оборачивается. Немного отстранившись, смотрит на меня с лёгким прищуром.

– Костик, рот захлопни, пока я тебе не втопил.

– Да ладно ты. Бери её с собой да погнажи, – не унимается веселящийся за его спиной парень. – Сразу видно – девчонка-зажигалка.

– Зажигалка. Ещё какая, – внезапно усмехается он, хитро подмигивая. – Мармеладка, здесь стой. Я немного с другом пообщаюсь, и мы продолжим, с чего начали.

Он резко разворачивается, кладёт парню ладонь на плечо, а через мгновение тот сипло выдыхает и сгибается пополам...

Дальше я не вижу, потому что не жду.

Быстро ныряю в толпу и пробираюсь к своей группе.

– Стой! – слышу за спиной громкий рык и ускоряюсь.

Согнувшись, лавирую в куче народа.

Что он о себе возомнил?

Девочку он себе тут на вечер ищет. Продолжит, с чего начали. Стой тут. Зажигалка.

Совсем офонарел, хамло подзаборное?!

– О, мармеладка, ты где была? – вскидывает брови Валерка, когда я нахожу свою группу.

– Где была, там уже нет. Отвали, – шиплю зло. – Мы когда на вокзал?

– Да вот сейчас уже планировали, – оборачивается Нина. – Хотели тебя вызванивать. Ой, а ты чего такая красная?

– А, ну о'кей, пошли, – игнорирую её вопрос, хватаю под руку Даринку, разворачиваюсь и, постоянно оглядываясь, не пре-

следует ли нас один оборзевший полудурок, двигаюсь в направлении выхода.

...Резко вынырываю из воспоминаний, едва не споткнувшись о бордюр.

Да чтоб тебя!

Стискиваю зубы и ускоряю шаг.

Медведь чёрттов. Как был неотёсанным, так и остался. Объявился на мою голову. Да ещё и на целую неделю.

Ну держись, дружок. Я тебе эту неделю в ад превращу.

Глава 3

Дома первым делом вставляю симку, закидываю контакты из облака и снова набираю Милку.

Безуспешно.

Полный трындец. Крыша у подруги съехала безвозвратно.

В телефоне мне пока ловить больше нечего. Соцсети свои забивать не буду, всё равно это ненадолго. Только одно приложение и скачала – надо же где-то с друзьями переписываться.

Мама сегодня на сутках в больнице, а потому дом в полном моём распоряжении.

От нечего делать набираю полную ванну, заливаю в воду ароматную пену, включаю на всю катушку рок и пропадаю из этого мира.

И всё это ради того, чтобы хоть как-то и чем-то вымыть из головы мысли об одном бестолковом раздолбае.

Ибо нечего думать! Не заслужил!

Мармеладка...

Сам ты... Гром.

Здесь тоже, небось, девочку на вечер будет искать? Ну-ну, флаг в руки, барабан на шею, Пятак в помощь.

Ныряю с головой под воду и выпускаю весь воздух.

– Злился подо мной мотоцикл мой, ночью он мчал меня

домой... — сквозь толщи воды поёт солист*, и я подбулькиваю ему из глубины.

Да-да, мчи-ка ты его домой, железный коняка. Чтобы глаза мои его не видели. И уши не слышали. И нос не дышал. И вообще... что это за хрень со мной происходит? Снова как в прошлом году начинается?

Так, всё! Кыш-кыш, мыслишки провокационные. Нечего вам в моей голове делать. Досвидос, аривидерчи, бай-бай.

Мармеладкой я в прошлой жизни точно не была, а вот выдрой — пожалуй, потому что спустя пару часов выхожу из ванной обновлённым человеком с минимумом ненужных мыслей.

Натянув майку и любимые домашние шорты, в которые при желании влезет половина страны, подхватываю брошенный на кухне телефон и обзираю кучу пропущенных от Милки.

Нашлась. Слава тебе, господи.

— Ты где?! — ору на неё в трубку.

— Возле твоего подъезда.

Пока подруга поднимается на седьмой этаж, открываю дверь и жду. Обглядываю её со всех сторон, но не замечаю ничего страшного. Милка врать не умеет, а потому неумело плетёт мне что-то про катания по старым местам и невинные поцелуи.

Ага, ага, так я и поверила!

Долго и упорно учу её уму-разуму. Но ей, кажется, можно

кол на голове тесать, но даже зачатки разума не вбить. Не дура она совсем, но влюблена настолько, что Ромео с Джульеттой нервно курят в сторонке.

Ещё и защищает Захара своего. Даже скачет по кухне, размахивая руками. А потом цепляется ко мне.

Любовь любовью, но кое-что ненужное она всё-таки рассмотрела.

– Кстати, насчёт сегодня – кого ты там лупила?

– Никого, – отмахиваюсь. – Какой-то придурок расхреначил мне телефон. Зацепился типа нечаянно.

Да уж, подруга, тебе бы у меня поучиться вранью. Вот смотри, я даже не краснею.

– И что? – хлопает на меня своими невинными глазками.

А я что? А я ничего.

Пожимаю плечами.

– Врезала ему, он извинился.

– И всё?

– Не-а, – усмехаюсь. – Телефон сначала работал. Я ж тебе сразу стала названивать. А потом – фигак, тишина и – вуаля!

Достаю из кармана шорт телефон.

Красивый, зараза.

Это я сейчас про телефон, если что.

– Он тебе новый купил? – восхищённо тянет Милка. – Как? Где?

– Милк, не тупи, – закатываю глаза. – Где он в воскресенье вечером купит? Свой отдал.

– Насовсем?

– Ну нет, конечно. Забрал мой, сказал, что починит. А если нет, будет мне компенсация. За моральный ущерб.

– А... – снова тупит она. Нет, там что-то явно интересное было. Только рассказывать не хочет. Вот кошка. – Там же его данные. Соцсети, всё такое...

– Мать, я тебе поражаюсь, – фыркаю. – Зачем мне его соцсети? Сбросил все данные, и всё. Ты что, вообще в телефонах не разбираешься?

– Разбираюсь. А ему не жалко?

Вот и у меня тот же вопрос. Видит меня второй раз в жизни. Ему не жалко?

Хотя... сам виноват. Вот пусть и отдувается. А то языки свои пихает, куда не надо, руками машет, как мельница. А потом у нормальных людей проблемы возникают в виде мыслейшек неправильных и невинно убиенных телефонов.

– Раньше надо было думать, когда не смотрел, куда пёр, – категорично припечатываю. – Так что “жалко-не жалко” – не мои проблемы.

Убираю телефон и щёлкаю пальцами перед её лицом.

– А ты давай, тему не уводи.

– Да я не увожу.

Так, всё понятно. Темнит моя подруга по-чёрному.

Наливаю ей чай и долго-долго втемняшиваю в голову, как ей следует себя вести, если не хочет, чтобы мать на все оставшиеся недели лета отправила её к бабушке.

Двадцать лет девке сегодня, а с парнями играть так и не научилась. Хотя с кем учиться? Не было у неё парней. Как влюбилась в своего Захара тыщу лет назад, так до сих пор и не разлюбилась. Бывает же такое...

Весь оставшийся вечер смотрим с ней какой-то молодёжный сериал. Временами поглядываю на тихо лежащий на прикроватной тумбочке гаджет.

Молчит, гад.

Вот и молчи!

Утром Милка после звонка матери убегает, а я готовлю завтрак для своей мамы, потом слоняюсь по дому, но к вечеру, не выдержав, собираюсь и ухожу на улицу.

Милку мать в магазине попросила какую-то там продавщицу подменить на сегодня. Пойду встречу, что ли.

На улице духота. За тридцать.

До торгового центра добираюсь чуть живая.

Кидаю взгляд на часы. Почти семь. Подруга сейчас закончит.

Уже издалека вижу, как к торговому центру приближаются два байка.

Одного байкера знаю отлично – Захар собственной персоной. Даже здесь её выследил. Вот кот шелудивый.

Второго парня не узнаю – он в шлеме. Но его ярко-синий байк наводит на смутные подозрения. Очень уж цвет запоминающийся.

Не доехав до центральной парковки, байки сворачивают

за угол.

Торможу, спрятавшись за толстым стволом тополя.

Интересненько, что здесь происходит. Чеботарёв собрался ловить Милку? Может, предупредить её?

Через минуту Захар и второй байкер, в котором я, как и предполагалось, узнаю мой навязчивый кошмар по имени Марк Громель, появляются из-за угла и тормозят у крыльца.

Всё-таки они знакомы.

Хотя...

Захар из Питера, Громель тоже. Оба байкеры.

Значит, это Чеботарёв его сюда вызвал?! Вот... гад! Бот!

Какая, блин, маленькая у нас страна! Все со всеми знакомы или, как минимум, пересекались.

Стоят, о чём-то треплются. Захар изредка поглядывает на двери торгового центра.

– Захар! – из цветочного киоска, принадлежащего Чеботарёву-старшему, выскакивает продавщица, машет рукой, чтобы зашёл.

Громель остаётся один.

Подойти, что ли? Узнать насчёт телефона?

Только делаю шаг, как вдруг из торгового центра со скоростью пули вылетает Милка в какой-то непонятной безразмерной одежде, перелетает через несколько ступенек, цепляется за что-то и летит носом вперёд.

У меня глаза от ужаса распахиваются. Но катастрофы не случается – резко развернувшись, Громель как-то ловко ло-

вит её за талию и придерживает.

Прячусь обратно, наблюдая, как подруга поправляет задрывшуюся футболку.

Они перекидываются парой фраз, после чего Милка кивает и улетает с ещё большей скоростью, даже не заметив выскочившего из киоска Захара. Замерев всего на секунду, он подлетает к Грому, коротко бьёт его в плечо и что-то говорит, а потом скрывается за углом.

Через несколько секунд оттуда вылетает чёрный байк и скрывается в том же направлении, куда побежала Милка.

Смотрю на всё, открыв рот.

Вот это санта-барбара. Никаких сериалов не надо.

Отворачиваюсь, опираюсь спиной на ствол дерева, складываю руки на груди и шурю в безоблачное небо.

Не, не буду подругу догонять.

Если она не дура, будет делать так, как я ей сказала. А если всё совсем печально, то никакие советы не помогут.

– Сами разберутся, – бормочу, усмехаясь.

– Полностью с тобой согласен, – врывается в ухо насмешливо. – Привет, мармеладка.

Подрываюсь, резко разворачиваясь.

– Ты нормальный?! Нахрена так пугать?! – взвизгиваю и уже привычно луплю в плечо этого невыносимого придурка.

Сердце же чуть из груди не выпрыгнуло. Напугал до полусмерти.

– Эй, полегче, – он легко перехватывает мои запястья,

скручивает их и прижимает меня спиной к своей груди. – Ладонки отобьёшь.

– Как ты меня задолбал! Я бы тебе с большим удовольствием башку отбила.

Кабан вырос! Легко справляться с маленькими.

– Слушай, мармеладка, – лениво шепчет он прямо в ухо, – я только появился, а ты уже дерёшься. Это у тебя форма приветствия такая?

– Отпусти меня! – дёргаюсь, выворачиваясь. – Я тебя сейчас...

– Убьёшь? – усмехается. – Уже слышал. Не впечатлило.

Да он издевается! Сейчас я его так впечатлю, мало не покажется!

Снова пытаюсь вырваться, но он только ржёт, перехватывая меня как куклу и немного приподнимая над землёй.

– Ты когда злишься, ещё хуже становишься, – добавляет спокойно. – Но мне нравится.

Что?! В смысле, хуже?! Да он вообще краёв не видит!

– Да пошёл ты! – пихаю его пяткой в колено.

– Уже был, – парирует невозмутимо. – Не зашло.

– Отпусти, говорю! И телефон мой гони!

Он о чём-то задумывается, а потом медленно разжимает руки.

Отскакиваю, развернувшись чуть ли не в прыжке. Выставляю вперёд кулаки.

Убью!

Бессмертный, что ли? Стоит, смотрит на меня как учёный на подопытную мышь.

Зря, батенька. Мы китайских шаолиней не оканчивали, но два удара “пах-нос” знаем с детства. Уверяю вас, чертовски противная штука.

– Ну, – Громель, даже не подозревая, что висит сейчас на волосок от смерти, совершенно спокойно наклоняет голову, разглядывая меня, – полегчало?

– Нет, – огрызаюсь. – Хуже стало. Ты же рядом.

– Привыкай.

Что?..

“Король и шут” – “Мотоцикл”

Глава 4

– Я к тебе привыкать не собираюсь, – щурюсь, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони. – У нас с тобой ничего общего.

Оглядываюсь по сторонам.

Чем бы ему двинуть таким – незаметно, но очень больно?

Мимо проходит женщина с коляской. Светловолосый малыш заливисто смеётся и стучит по бортику пластмассовым молотком, отчего тот издаёт отвратительно пронзительные звуки.

Перед глазами на миг появляется картинка, как я луплю Грома этим молотком по тупорылой башке, и все его идиотские мысли рассыпаются по асфальту.

Эх, жаль, что нельзя ему ещё раз двинуть. Хотя бы в плечо. Хотя бы кулаком. Хотя руки так и чешутся. Скрутит ведь опять.

Придурок. Тестостерон на ножках.

– Ошибаешься, – лениво тянет он, засунув руки в карманы и даже не подозревая, какие небесные кары я хочу на него обрушить. – Общее у нас уже есть.

Хмыкаю, закатывая глаза, и резко вытаскиваю из кармана его телефон.

– Это, что ли? Не считается. Телефон принадлежит мне.

Временно.

– Я не про телефон, – улыбается он ещё шире, чуть склонив голову набок.

Удивлённо вздёргиваю брови.

– Да? А про что?

– Про “Алые паруса”, – он хитро подмигивает, а у меня щёки вспыхивают так, что можно спички зажигать.

Вот же гад! Вспомнил... Да как он вообще посмел это сейчас вытащить?!

– Не было там ничего, – цежу сквозь зубы, стараясь говорить тихо, чтобы не привлекать ещё больше внимания стайки пробегающих мимо подростков, которые явно нами заинтересовались.

– Уверена? – подмигивает снова и делает вперёд маленький шаг.

Да он издевается. Ну подожди, Гром, вот останемся где-нибудь без свидетелей, я тебя в асфальт закатаю.

– Да! – заявляю уверенно и надменно приподнимаю подбородок.

– Никакого контакта? – кидает многозначительный взгляд на мои губы.

– Никакого! – шиплю злобно.

– Ну раз не было, значит это нужно срочно исправить, – он так стремительно приближается, что я едва успеваю отпрыгнуть.

Натыкаюсь спиной на соседнее дерево.

Вот, блин, попала!

Расширенными глазами смотрю на нависшего надо мной Громеля.

Воздух плавится от жары, и у меня внутри тоже что-то плавится от того, насколько он близко. Ну хоть руки по-прежнему держит в карманах.

Марк склоняется ниже, внимательно изучая мою реакцию.

Нервно вздрагиваю,ставляю ладони вперёд, почти касаясь его груди.

– Нет! – взвизгиваю, но тут же понижаю голос. – Только посмей мне ещё раз сунуть в рот свой язык, я тебе его прокушу.

– Ещё раз? – в карих глазах вспыхивает веселье, губы растягиваются в довольной ухмылке. – Значит, всё-таки что-то было?

Вот же... поймал на слове!

– Ничего не было и не будет, – трясую головой. – Телефон мой верни. И разбежимся.

Он демонстративно разводит руками и почему-то не убирает их обратно в карманы, а ставит по бокам от меня. Отрезает пути.

– Я в процессе, – почти шепчет. В губы.

Блин, блин...

– В п-процессе починки? – почему-то запинаясь.

– В процессе установления контакта, – выдыхает, задевая

мои губы своими.

Мамочки...

Да что он творит, контактёр хренов? Обнаглел вкрай!
Нужно двинуть ему и бежать.

А-а! Ещё миллиметр, и пипец!

Резко уворачиваюсь, подныриваю ему под локоть и отпрыгиваю на несколько шагов.

– Мармеладка, на Пятак сегодня придёшь?

Гром даже с места не сдвинулся. Стоит с таким довольным выражением, словно я поступила именно так, как ему нужно.

– Когда ты нахрен пойдёшь, – шиплю, поджимая губы и унимая бешеное сердцебиение.

Быстро оглядываюсь.

Ну уж нет, устраивать тут разборки не стану – слишком много свидетелей. Но моё время ещё наступит. Вот тогда-то я повеселюсь. За всё отомщу. За всё!

Разворачиваюсь и на подрагивающих ногах ухожу.

Спиной ощущаю его изучающий, насмешливый взгляд.

Снова смеётся надо мной. А у меня от этого смеха почему-то мурашки бегут по коже.

Бесит меня. До трясучки.

Ну ничего, Гром. Ты ещё пожалеешь. Зря ты напомнил про “Алые паруса”. Косяк у тебя. Капитальный.

Ускоряюсь, почти переходя на бег, сворачиваю за угол торгового центра и только там позволяю себе остановиться.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться.

Нужно собраться и всё продумать.

Сейчас первым делом встретимся с Милкой, а потом буду с Громом разбираться.

Решил, что здесь я его девочка на вечер? Ну о'кей, Гром. Будет тебе девочка. Только не пожалей потом.

Погуляв по городу, к девяти стою у “Сладкоежки“, жду Милку. Пунктуальная подруга как всегда является вовремя.

Пока идём с ней по набережной, болтаю ни о чём, несу какую-то ахинею. Вообще всё равно, что плести. Главное, чтобы она не догадалась, какие черти сейчас ворочаются у меня внутри.

Ну это же надо, а? Ведёт себя как... медведь. Захотел – нахамил, захотел руки заломил, захотел – поцеловал. Это что за отношение?

Ну берегись, Громель. Я от тебя теперь не отстану. Буду всюду хвостом ходить. Все нервы тебе вытлеплю и на кулак намотаю. Ты меня ещё не знаешь. Поиграть со мной решил? Зря. Там, где ты играть учился, я преподавала.

Доходим до большой крытой террасы, сразу за которой начинается большая танцевальная площадка для молодёжи, в простонародье называемая Пятаком.

Уже собираемся свернуть за угол, когда оттуда выныривает какой-то подросток.

– Пацаны, айда сюда! – кричит, активно размахивая руками. – Там у байкеров махач!

Милка тихо пищит и срывается с места.

Несусь следом, пробираюсь через большую толпу. Девчонки визжат, ребята подбадривают дерущихся. Хочу тор-мознуть подругу, которая зачем-то влетает в центр драки, но только изумлённо распахиваю глаза.

Захар и Гром?..

– Ах-ренеть... Это что творится?.. – выдыхаю, когда вижу, как Захар делает подсечку и валит Марка на землю.

Не знаю, что в моей башке перемыкает, но я внезапно под-летаю к ним, хватаю Захара за майку и пытаюсь оттащить.

Отелло недобитый! Сто пудов – Милену приревновал. Можно даже к бабке не ходить.

– А ну, отпустил его! – визжу.

Но он меня будто не слышит. Сидит верхом на Марке, а тот пытается перехватить его за горло.

– Отойди, мармеладка, – придушенно хрипит Громель. – Зашибём ненароком.

Полудурки! Орангутаны!

Луплю Чеботарёва по плечам со всей дури.

– Бот, ты придурок! – ору. – Руки от него убери! Он мне ещё телефон не вернул!

– А мой уже разонравился? – весело подмигивает мне Марк, как-то неуловимо переворачивается и подминает Захара под себя.

Я только успеваю отскочить в сторону, а он уже заламы-вает ему руку за спину и придавливает коленом, не давая встать.

– Ну что, брат, сдаёшься? – спрашивает, склонившись ниже.

– Гром, я тебе сказал. Подойдёшь к ней – урою, – рычит Захар.

– Значит, ещё поборемся, да? – смеётся Громель, резко отпускает друга и подскакивает.

Я даже пискнуть не успеваю, как он быстро притягивает меня к себе и... целует.

– На удачу, – смеётся.

У меня дар речи пропадает.

Губы горят, в груди всё сжимается, дыхание сбито.

Это что сейчас было?! Опять?!

Размахнувшись, залепляю ему такую звонкую пощёчину, что даже в плече отдаётся.

– Да ты офигел совсем?! Я тебя прибью! – взвизгиваю и замахиваюсь снова.

Медведь недоделанный!

– Стопэ, мармеладка, – он только морщится, перехватывает мои руки, резко заводит их за спину и притягивает к себе вплотную. – Давай твои сексуальные пристрастия обсудим позже. Я сейчас немного занят. С другом разговариваю.

Сверкает глазами и так довольно улыбается, что так и хочется размазать его довольство по всей роже.

– Да пофиг мне на твоего друга! – безуспешно пытаюсь вырваться. – Тебе кто разрешал лезть ко мне своими губищами?!

Удавлю гада!

– Так мармеладка – это она? – Захар тяжело дышит, сверлит Громеля чёрном взглядом.

– Ага, – Гром широко улыбается, подмигивая Милке. – Привет ещё раз, малинка. Будем знакомы, Марк Громель. Можно просто Гром.

– Эй, парни, там по вашу душу приехали, – внезапно кричит кто-то. – Валите, пока в отделение не замели.

Где-то вдалеке крикает полицейская сирена.

Ура! Чтоб вас всех в обезьянник загребли! Посидите, отдохнёте. Бараны!

Мысленно ликуя, уже потираю ладошки в придумывании новых обзывательств и...

– Ай! – взвизгиваю, взлетая на руки к Громелю.

– Ну что, мармеладка, погоняем на предельной скорости? – лыбится он и куда-то меня тащит.

Чего?! На какой скорости?!

А... а куда это он меня сажает? И как?

– Ты, придурок, отпусти меня! – ору, дёргаясь в разные стороны, пытаюсь сползти с байка и одновременно бёдер Марка. – Ты зачем меня сюда посадил? Я с тобой никуда не поеду!

– Безопасность прежде всего, – никак не комментируя мои крики, Громель одним хлопком натягивает на меня шлем, и я затыкаюсь, едва не падая от ужаса в обморок.

Мамочки... Офигеть просто!

Сажу на байке задом наперёд, обнимаю Грома ногами и руками, на голове шлем, под задницей ревьёт двигатель. Пот стекает по спине, сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет из груди.

Я же сейчас умру от страха! Или от злости. Или от всего сразу!

Некоторое время лавируем среди других байков.

В ушах звенит, ветер холодит спину, а я вцепилась в Грома так, будто от этого зависит моя жизнь. Хотя почему “будто”? Очень даже зависит.

Мы вылетаем со стоянки, Марк поддаёт газу и мчит на предельной скорости в черноту леса, а у меня наконец-то прорезается голос.

– Ты охренел?! Останови немедленно!

Глава 5

– А то что? – хохочет он. – Опять убьёшь? Скучно уже. Скучно ему?! Ну давай повеселимся!

Отцепляю руки и луплю его почём зря.

– Ты гад! Баран! Медведь неотёсанный! Тормози, или тебе пипец придёт!

В шлеме душно, в голове мутится. Хочу стянуть его, но одной рукой не получается. Байк изредка подпрыгивает на кочках, и из меня раз за разом вырываются испуганные визги.

– Да сиди ж ты спокойно. Врежемся куда-нибудь, – Громель на мои жалкие потуги никак не реагирует, только отклоняет голову в сторону, когда я закрываю ему обзор.

Замираю с широко раскрытыми глазами. Так и представляю, как мы летим в какую-нибудь канаву.

Баранище! Погибнуть из-за него в цвете лет я не планировала.

– Тормози! А-а-а! – визжу, чувствуя, как байк наклоняется вбок, и крепко обхватываю Марка за шею.

Боже... боже-боже-боже... Жить-то как хочется.

Начинаю задыхаться, но, к счастью, байк замедляет ход и останавливается.

– Испугалась? – Громель глушит двигатель, приближает

лицо, смотрит на меня через стекло шлема.

Испугалась?!

Привычно замахиваюсь, чтобы отвесить ему звонкую оплеуху, но он перехватывает мою руку.

Ха! Меня это когда-нибудь останавливало?

Замахиваюсь второй рукой.

– Пусти! – шиплю истерично. – Ты совсем идиот?! Баранина! Я тебя убью!

Вырываю руки из его захвата и сдираю с головы ненавистный шлем.

– Угомони свою женщину, Гром, – слышу хриплый рык Захара и на мгновение теряю дар речи.

Какая я ему женщина?! Тем более нифига я не этого медведя!

На секунду оглядываюсь и обзираю, как Милка с Захаром самозабвенно целуются.

– Потише, мармеладка, – усмехается в ухо Гром. – Видишь, мы людям мешаем. А могли бы последовать их примеру.

Его лапы обвиваются вокруг моей талии.

– Не трогай меня! Скотина! Гад! Я тебе руки перелوماю! – отпихиваю его от себя и каким-то удивительным образом умудряюсь соскользнуть с сиденья.

Впрочем, это ненадолго.

Громель прыгивает следом и опять хватает меня в охапку.

Да что он за человек такой?!

Хватаю кожу на его плече и с силой проворачиваю. Может, так быстрее дойдёт?

– Да ты зажигалка? Любишь пожёстче? – фыркает он.

– Люблю убивать придурков! – снова луплю его по плечам.

Но он только ржёт, как придурок, и всё сильнее притягивает к себе.

– Угомонись, мармеладка. Ладонки отобьёшь.

Пихаю его в грудь, отскакивая на шаг, и в бешенстве шиплю:

– Я тебе сейчас башку отобью, придурок!

Ненавижу, идиот!

Подхватываю с земли шлем и швыряю в него, надеясь попасть в голову. Но он ловко перехватывает его и вешает на руль.

– Да ты можешь объяснить, чего бесишься? Что я тебе сделал? – задаёт он самый тупой из всех тупых вопросов.

– Нахрен не пошёл, вот что! – выплёвываю, резко разворачиваюсь и ухожу.

Да нахрен его! Не буду с ним воевать! И жизнь ему портить не буду!

Это же бешеный паровоз. Полная топка тестостерона и ни грамма мозгов.

– Марго, стой! Ты чего? – догоняет меня Милка.

Тяжело дыша, долго молча смотрю на подругу.

Что ей ответить? Я и сама не знаю, чего я. Почему меня так клинит каждый раз, как один неотёсанный медведь появляется рядом. Словно тормоза срывает. Или он меня провоцирует. Или я позволяю себя провоцировать.

– Этот полудурок, – тычу в Марка, – шлем на меня напялил, а у меня клаустрофобия.

Гневно сжому брови, разворачиваюсь к Громелю.

Ну что, дорогуша, против такого факта ты что скажешь, а? Боязнь замкнутых пространств – это тебе не шутки ниже пояса.

– Я не знал. Извини, – этот дурак ведётся. В тёмных глазах впервые мелькает растерянность.

Ха! Вот так тебе! Выкуси!

– Не казни меня, королева сладостей, – он разводит руками, а я мысленно ликую.

Первая победа. Правда, немножко нечестная. Ну да и ладно! А он честно играет?

То-то же.

Откидываю волосы назад и давлю довольную усмешку.

– Разреши загладить свою вину, – между тем продолжает Марк, расплываясь в хитрой улыбке. – Кафе-мороженое, какао-бар, киоск с пончиками, ларёк с сахарной ватой... Выбери место для моего наказания.

Да чтоб ты провалился! Чтоб тебя черти на сковородке пожарили.

Гад! Троль! Медведь неотёсанный!

– Да пошёл ты... – выплёвывая, с силой сжимая кулаки.

– Только если с тобой, – хмыкает он.

Гневно пыхчу.

Сто восемьдесят семь – один. В его пользу.

Ладно... Я тебе это ещё припомню.

– Ну ты, Гром, и солдафон. Тебе нужно было в армии оставаться, ротой командовать, а не за девушками ухаживать, – вдруг холодно бросает Захар, до этого момента молча наблюдавший за нами.

– На себя посмотри, мистер совершенство, – вздёргивает бровь Громель, тут же переключаясь на друга. – Сам ведёшь себя как говно, и ещё мне что-то высказываешь. Двойные стандарты у тебя, брат.

– За базаром следи... брат, – цедит Чеботарёв, в мгновение ока оказываясь рядом. Играет желваками, сверлит его тяжёлым взглядом.

А у этого придурка рожа от счастья сейчас треснет. Недодрались? Ну так флаг вам в руки. Я больше разнимать не буду.

Милка хватает меня за руку и тянет обратно. Что, тоже хочет посмотреть на подпольные бои двух полудурков?

– Это с чего это я говно? Поясни, – Захар сжимает кулаки.

– А с чего нет? Драться ко мне с какого-то хера полез. Давно морда бита не была?

– Ты, блядь, лапал мою девушку, – хрипит Захар.

– Не лапал я ни хера! Я с твоей малинкой даже не знаком,

– Гром подаётся вперёд. – Видел фотку раз, и всё. И я девушек у друзей не отбиваю. Тем более, у меня своя есть.

У меня сердце ухает в пятки. Какая такая девушка? Надеюсь, не я? Я на такое не подписывалась.

– Хватит! – Милка бросается вперёд и виснет на шее Захара. – Я просто споткнулась. Шнурок развязался. Марк поймал меня. Всё. Я даже не знала, кто это. Ты мне веришь?

О-о, ещё и оправдывается. Всё с ней ясно. Учить такую – только портить.

Стою в стороне, наблюдаю, как Бот что-то тихо ей шепчет, а она так же тихо отвечает и целует.

Внезапно даже как-то завидно становится. Вот это любовь. У неё, во всяком случае.

Но мне такая не нужна! Я лучше поиграю кое у кого на нервах. Слабое местечко он мне уже показал. Сам подставился, сам виноват будет.

– Кажется, мы тут лишние, – хмыкает Марк, отрывая меня от любования этими голубками и поигрывая бровями.

Да как же он меня бесит!

Развалился на своём байке, как царь. Король железяк.

– Поехали, мармеладка?

– Я тебе не мармеладка, понял?! – тут же вскипаю, но подхожу ближе. А просто отсюда бить удобнее.

Громель протягивает мне шлем, приглашающе кивает себе за спину.

– Убери эту дрянь, – отпихиваю его руку. Во-первых,

неудобно в шлеме, воздуха не хватает. А во-вторых, придёт-ся теперь придерживаться своей версии с клаустрофобией. — Я это надевать не буду. Милк, ты остаёшься?

Поворачиваюсь к подруге, но никакого ответа не добиваюсь.

С ума сойти, клиника. Только бы глупостей не наделала.

— Милк?! — снова зову. — Разговор наш помнишь?!

— Да, всё в порядке. Не переживай.

И даже не обернулась.

Точно наделает! Может, не оставлять её? Хотя, с другой стороны, с кем же ещё первый раз может быть лучше, чем с любимым человеком? Пусть даже и с таким ветреным долдоном. Надеюсь, у Захара хватит ума предохраняться. Всё-таки Милка ещё студентка. Да и мать её с ума сойдёт, если кроме всего того, что у них намечается, после грянут какие-нибудь последствия.

— Видишь, у твоей подруги всё в порядке, — раздаётся за спиной насмешливо. — Поехали. Проведёшь мне экскурсию по городу. Покажешь, где у вас здесь мармелад продают.

— Могу показать, где у нас тут валят из города к своим девушкам, — злобно шиплю и... сажусь сзади.

А что делать? Из леса выбираться надо. Не пешком же мне из старого карьера несколько километров по тёмному лесу до Пятака идти. Жить захочешь, не так раскорячишься.

Байк срывается с места.

— Лучше покажи, где у вас тут рассвет встречают с краси-

выми девушками, – ржёт Марк, газуя.

– Может, тебе ещё и подогнать эту красивую девушку? – парирую, вонзая ногти в его кожу сквозь футболку.

Да-да, а ручки-то заняты. Ответить тебе нечем. Вот и терпи... гад.

– Мне достаточно одной, – хмыкает он, немного сбавляя скорость и быстро перекладывая мою руку с бока на свой живот. – Вот так держись, а то свалишься.

Мамочки родные, вот это пресс. Шварценеггер российского разлива.

– Спасибо, нас и здесь неплохо кормят, – отдёргиваю руку, кладу её обратно на бок, но ногти больше не вонзаю.

Ибо чревато.

Тёплый августовский ветер бьёт в лицо, оглаживая открытые плечи и развевая волосы. А заодно остужая бордовые щёки.

Стараюсь не прижиматься к мускулистому, вкусно пахнущему телу, но Громель будто нарочно выбирает такие места, где больше кочек, поэтому меня периодически подкидывает.

– Мармеладка, обними меня нормально, – Гром кидает на меня ироничный взгляд. – Упадёшь, поцарапаешься. Придётся мне твои коленки лечить.

– О своих коленках думай, – фыркаю и... – А-а-а!

Взвизгиваю, едва не свалившись.

Да блин! Ну ты и гад!

– Держись крепче, – ржёт этот идиот. – Сейчас поедem

быстрее.

Ещё быстрее? Да куда уж?

– Только попробуй!

Придвигаюсь ближе и обнимаю Марка за талию.

И на что я только подписалась?

Хотя нет. Я уже знаю.

Это будет полная задница.

Глава 6

До Пятака доезжаем достаточно быстро. Вжик – и мы там.

Никогда не ездила до этого на байках. Не было ни желания, ни настроения глотать дорожную пыль, как я раньше считала.

Много потеряла. Много.

Нереальное ощущение полёта и свободы.

Нет, не так.

СВО-БО-ДЫ!

Но никогда никому в этом не признаюсь. Особенно одному дикому зверюге, к которому в какой-то момент совершенно неосознанно прижалась.

А что такого? Просто так удобнее. И меньше трясёт.

Впереди маячит стоянка байкеров, звуки очередной зажигательной мелодии бьют по ушам, но мы неожиданно сворачиваем.

– Эй, ты куда меня везёшь? – отрываюсь от широкого плеча. – Дискач по прямой.

– Туда, – Гром кивает на расстилающуюся перед нами дорогу.

– Туда – это куда? – уточняю с беспокойством.

– Ну ты же сама сказала, что покажешь, где у вас тут из города валят. Вот, решил уточнить, верно ли помню дорогу,

– хмыкает, поддавая газу.

Ой, баран!

– Верни меня, где взял! – верещу во всю глотку.

Громель громко хохочет, а я с ужасом наблюдаю, как последние многоэтажки остаются позади, и мы вылетаем на трассу.

Кататься мне понравилось – это бесспорно. Но я даже не представляю, куда меня этот дуболом может завезти. Какие бредовые идеи копятя в его брюнетистой голове?

– Разворачивай, пока я тебя с байка не скинула! Идиотина! – привычно луплю его по плечам.

– Марк, – внезапно говорит он, сбрасывая скорость и паркуясь на обочине.

– Что? – спрашиваю с недоумением и быстро соскакиваю с байка, потирая отбитые ладони.

Осматриваюсь. В принципе, недалеко уехали. Час-полтора пёхом, и я дома.

– Меня зовут Марк.

Брови сами собой ползут вверх.

Ох ты ж, грозный какой. Прямо боюсь-боюсь!

– Я в курсе. И что?

– И то, – сидит, широко расставив ноги, руки на груди сложил. Только что бицепсами не поигрывает.

Красавчик. И знает об этом. Я даже больше скажу – пользуется.

Но со мной не прокатит. Знаю я эти бицепсы – снаружи

залипательно, а как в них попадёшь – зажимательно. Фиг вы-
берешься, пока сам не отпустит.

Кусок железаки!

“Меня зовут Марк...” Ага, с-час! Перетопчется.

Уважительное обращение сначала заслужить надо. А он к
этому даже полшага не сделал. Один вред только.

– Можно просто дуболом, – передразниваю, игнорируя
пристальный взгляд и с невинным видом ковыряя носком
кеда песочек на обочине. – Или железная лапа. Или...

– Марк Громель, – с нажимом произносит он. – Не дубо-
лом. Не медведь. Не железная лапа. И уж точно не идиотина.
Марк.

– Марго Княжина, – пародирую. – Не Маргарита. Не за-
жигалка. И уж точно не мармеладка. Марго.

Приседаю в клоунском реверансе.

– Не Маргарита? Не нравится имя? – спрашивает насмеш-
ливо.

– Не нравятся тупые подколы, – цежу зло.

– Хорошо, – неожиданно спокойно кивает он и заводит
двигатель. – Садись.

– Домой меня повезёшь? – прищуриваюсь с подозрением.

– Что, носки не довязала?

– Чего?.. Какие носки?

– Шерстяные, какие ж ещё? – ржёт. – Или чем у вас тут
бабушки по вечерам занимаются?

Да сам ты бабушка!

Вспыхиваю, как спичка. Хочу ему врезать, но он ловко уворачивается и перехватывает мои руки.

– Или ещё покатаемся? – предлагает, вопросительно изогнув брови.

В голову приходит забавная мыслишка. Я же тут кое-кому райскую жизнь обещала? Ну я тебе сейчас её устрою!

– Покатаемся, – предвкушающе улыбаюсь, сажусь и мысленно потираю руки, добавляя тише: – ...Гро-ом!

– Ну тогда держись крепче... мармеладка, – рычит он и под мой возмущённый возглас срывается с места.

Ветер бьёт в лицо, руки крепко сжимаются на талии парня, а я в ускоренном темпе прорабатываю план.

Мы по-прежнему отдаляемся от города.

Ха-ха!

Это же именно то, что доктор прописал. Даже не пришлось придумывать причину ехать именно туда.

Но сначала нужно немного усыпить его бдительность.

Поиграю-ка я в примерную девочку.

– Далеко ли собрался, добрый молодец? – ласково спрашиваю в какой-то момент, немного потянувшись вперёд и приникнув губами к уху Громеля.

Он на секунду замирает, а потом с хитрой улыбкой оборачивается.

– А что, – перекрикивает ветер, – хочешь баньку истопить и спать уложить?

Хочу нафиг послать, но ведь обещала нервишки потре-

пать. Ух, держись, любитель коняшек, я тебе такие гонки по вертикали устрою – закачаешься.

– Не-а, – немного отстраняюсь и мотаю головой, – спать ты будешь дома со своими девицами-красавицами.

– А нас и здесь неплохо кормят, – возвращает он мою же фразу.

– Боюсь, отощавешь на наших харчах, – едва могу скрыть так и рвущееся наружу ехидство.

– Ничего, мне хватит.

Иронично улыбнувшись, он бросает на меня через плечо та-а-акой многозначительный взгляд, что хочется на ходу спрыгнуть с байка и кузнечиком ускакать куда-нибудь в поля.

А может ну его нафиг, играть с ним?

А, нет, уже поздно. Почти приехали.

– А у нас вон там конеферма, – указываю в темноту ночи, демонстрируя на лице самую доброжелательную улыбку. Только бы рожа не треснула. – Игогошки всякие... Почти как твой мустанг, только на четырёх копытах. Спорим, что ты и пяти минут на лошади не усидишь?

– А ты типа усидишь?

– А я типа не претендую. Это же ты у нас тут гонщик, а я так, мимо проходила, – пожимаю плечами и невинно хлопаю ресницами.

Впереди высвечивается указатель.

– Во-он дорога, видишь? – продолжаю провоцировать и

соблазнять. – У меня там знакомый пастух, дядька Семён. Сосед мой. Каждую ночь здесь сторожит бессменно. Уже, наверное, лет двадцать.

– Трудоголик? – будущая жертва моих хитросплетений оборачивается через плечо, смотрит с прищуром.

– Алкоголик, – усмехаюсь и подбавляю в голос патоки. – Днём его тёть Рая дома пасёт, чтобы не пил. А ночью он здесь типа коняшек пасёт, а сам за шиворот льёт. Так что могу договориться. По-соседски.

Подъезжаем к повороту.

Марк притормаживает, бросает заинтересованный взгляд в сторону примыкающей дороги. Едва не подпрыгиваю от нетерпения, но он неожиданно как-то странно хмыкает, медленно разворачивается и... едет обратно.

– Эй, ты куда? Мы же не доехали! – удивлённо восклицаю.

– В другой раз, – усмехается.

Да как так-то? Я же уже настроилась. Так и представила себе, как эта мускулистая шкафообразная медвежatina будет неуклюже карабкаться на лошадь, а я буду исподтишка снимать его на видео. А потом...

Да, ржака была бы знатная! Я бы пересматривала... иногда. Чисто поржать.

Не-не-не, так не пойдёт. Я ещё тебе не отомстила. Нечего мне тут игру ломать.

Сжимаю губы, стараясь не выдать досаду. Но тут же натягиваю на лицо невинную улыбку.

– Струсил? – ободряюще похлопываю его по плечу. – Ну ничего, бывает. Не всем дано настоящих коней объезжать. Некоторым приходится пользоваться вот таким суррогатом.

Ну а что? Его обзывать нельзя (во всяком случае, вслух), а про его синебокого мустанга мы не договаривались.

А то ишь, мустанг!

Пф! Железяка!

Прости меня, коняшка, что обзываюсь. Ты же ни в чём не виноват. Вон как быстро летишь. Как ветер. Только хозяин у тебя подкачал.

– Суррогатом, говоришь, – задумчиво усмехается Громель и... как поддаст газу!

Байк дёргается и, кажется, выпускает подкрылки.

– А-а-а! – визжу на всю округу, вцепившись в одного полудурочного байкера не только руками, но и частично ногами. – Гром! Ты debil! Ты нас угробишь! Тормози! А-а-а!

– Как зовут байк? – спрашивает, полуобернувшись ко мне.

– А-а-а!

– Как его зовут? – он начинает выписывать на пустынной дороге какие-то вензеля.

Разобьёмся! Умрём во цвете лет!

Вжимаюсь в широкую спину всем телом и ору.

Жить хочется так, что никаких мыслей уже не остаётся. Только желание почувствовать под ногами твёрдую землю, упасть на мягкую травку, зарыться голыми пятками в горячий песок.

– Ай-ай-ай, мармеладка. Неужели не запомнила? – врывается в уши сквозь свист ветра и чей-то совершенно ненормальный визг. – Как зовут байк?

– Му... му... – выдавливаю трясущимися губами.

– Не-а, – мужская спина вибрирует от смеха. – Муму – это из другой истории. Вторая попытка.

Байк, кажется, идёт на юз, а я поспешно прощаюсь с жизнью.

Ариведерчи, моя хорошая. Нам с тобой было быстро, весело и вкусно. Но офигеть как мало.

– Я жду.

– Мус... Я... – я убью его сейчас.

– Ответ неверный. На Мусю он обидится больше, чем на Муму. Третья попытка, мармеладка. Ну же. У тебя почти получилось.

По спине стекает холодный пот, сердце бьётся где-то в горле.

– Мустанг! Долбанный ты придурок! – визжу, сдаваясь.

– Отлично. Имя байка выучила, осталось выучить моё, – бессмертный годзилла наконец скидывает скорость и выравнивает байк. – Но этим мы займёмся чуть позже.

У меня от пережитого ужаса в голове мутится, и воздух врывается в лёгкие со свистом, поэтому некоторое время не могу ответить что-нибудь в духе портового грузчика. Но мысленно призываю на голову этого отмороженного смертника все кары мира.

Ну всё, кочерыжка. Теперь держись. После такого тебе точно не жить. Изничтожу! В капусту порублю!

– Понравилось кататься на железной коняшке? А, мармеладка? – Гром уверенно ведёт мотоцикл в сторону города.

– Очень, – выдыхаю сквозь зубы, медленно разжимая сведённые судорогой пальцы. – В следующий раз давай сразу в пропасть. Чего мелочиться?

Глава 7

Просыпаюсь от негромкого хлопка двери.

Мама ушла на работу.

Значит, ещё очень рано, и можно спать дальше.

Потянувшись, переворачиваюсь на другой бок. Мышцы-то как болят.

Ну Гром! Громила! Вечером встретимся, тебе не жить. Придушу! И даже не посмотрю на то, что с тобой весело.

Да, давненько я так не веселилась. Адреналин зашкаливает.

В голову ввинчиваются воспоминания, как этот гориллоподобный монстр подвозит меня к дому, ждёт, когда я слезу, а потом, ухмыляясь, требует за свои услуги... поцелуй.

– Какие ещё услуги? Что до дома довёз? – недоумённо хмурюсь. – Так я не просила меня воровать.

– Нет, – качает головой. – За то, что терпел твои обзывательства. Теперь буду требовать компенсацию. Иди сюда.

Чего?! Компенсацию он с меня требовать вздумал. Охамел вкрай!

Молча показываю ему на пальцах небезызвестную фигуру.

Чёрные брови красиво взлетают вверх.

Едва сдерживаю смех – так комично он выглядит в этот

момент.

Так-то.

Думал, всё тебе хиханьки да хаханьки? А вот уж нет! Получите мою фигушку. Могу и другой рукой показать. А при желании и двойную. На каждой руке. Чтобы жизнь мёдом не казалась. Медведище!

– Это ты мне? – басит он, неожиданно резко соскакивая с байка. – Ну, сама виновата. Теперь так просто не отделаешься.

Не жду дальнейшего развития событий.

Тихо пискнув, быстро захлопываю варежку и усвистываю до подъезда, на ходу скидывая рюкзак и пытаюсь выдрать из кармашка связку ключей.

Пальцы не слушаются, ключи застревают, зацепившись за подкладку, и я дёргаю их изо всех сил, едва не вырывая изнутри несчастного рюкзака.

Торможу перед дверью, дрожащими руками пытаюсь попасть ключом в магнит.

Кто придумал эти гадские домофоны?!

Наконец замок приветливо пиликает.

Дёргаю ручку, но не успеваю. Сильная рука резко разворачивает меня за плечо.

От неожиданности едва не роняю ключи, расширенными глазами обзревая перед собой закрывающую весь обзор вибрирующую от смеха мужскую грудь.

Поднимаю взгляд на нависшего надо мной Марка. В угол-

ках губ усмешка, в глубине зрачков азарт.

– Ну и куда это мы сбегает, м? – фырчит он насмешливо.

Сердце делает кульбит, но я тут же выпрямляюсь, гордо вскидывая подбородок.

– Тебя забыла спросить, – гаденько ухмыляюсь.

– Теперь спросишь. Ещё и за фигуру ответишь. Я такое не прощаю, – он ставит руки по бокам от меня и склоняется ниже. – Итак, как будешь оплачивать долг? Три поцелуя в щёку? Или один, но в губы? По-настоящему.

Удивительное рядом! Он почти спрашивает. Дайте маркер, я запечатлю этот момент на стене подъезда. Для потомков.

– Никак! Кому должна, я всем прощаю, – отпихиваю его от себя. Ну как отпихиваю – пыхчу, пытаюсь сдвинуть этот Эверест.

– Упрямая, – он перехватывает моё лицо за подбородок, чуть сжимает пальцы, приподнимая, заставляя смотреть прямо на него. – Мне это даже нравится.

– Твоё “нравится” мне до далёкой звезды, – дёргаю головой. – Отпусти, я сказала!

– Или что? – он слегка приподнимает бровь, явно наслаждаясь ситуацией.

Доминант хренов!

– Или я тебе сейчас так врежу, что забудешь собственное имя!

Ой.

Прикусываю язык, но поздно.

– Об этом мы тоже поговорим. Позже. А пока повышаем ставки, да, мармеладка? Два поцелуя в щёку и один по-настоящему, – медвежья лапища соскальзывает с двери и сжимается... ну спасибо, хоть на талии. Вторая так и держит мой подбородок.

Какие ставки?!

Он вообще понимает слово “нет“?!

– Гром, угомонись. Это уже не смешно, – суетливо копошусь в его захвате. – Проваливай.

И где эти любопытные соседи, которые вечно появляются, когда не надо? А когда надо, хрен дождёшься!

– А я и не смеялся, – он сжимает крепче. – Обещаю, тебе понравится возвращать долги.

На мгновение замираю. В груди что-то ёкает, но я тут же отталкиваю эту мысль.

Ни за что!

– Не понравится! – пытаюсь отвернуться, но он мягко, но настойчиво разворачивает моё лицо обратно.

– Да? А раньше нравилось.

– Да нифига подобного, – прищуриваюсь.

Нравилось мне... Да не было такого!

– Это вызов?

– Констатация факта! Самый ужасный возврат долга в моей жизни!

– Звучит как оскорбление, – выдыхает Громель прямо в

ухо. – Я просто обязан доказать обратное.

– Как-нибудь обойдусь, – отклоняюсь, но упираюсь макушкой в дверь. Мурашки от его дыхания просто конские.

– Один, – шепчет он, прихватывая губами мочку.

Внутри всё сжимается.

– Отпусти! – шиплю почему-то дрожащим голосом.

– Два, – его губы скользят по моей щеке, потом касаются уголка рта, оттягивают нижнюю губу, щекочут кожу тёплым дыханием.

Замираю.

Мамочки... Я что, хочу с ним целоваться? Да быть того не может!

– Отва...

– Три.

Он целует.

Мягко. Нежно. Лаская мои губы своими.

Мир внутри замирает. Перед глазами круговерть, в теле предательская слабость.

Открываю рот, позволяя углубить поцелуй. Громель довольно хмыкает и... на полную использует моё временное помутнение рассудка.

Его рука скользит по спине, прижимает ближе. Вторая одобрительно поглаживает шею и скулу. Кожа горит в том месте, где он касается. В голове сладкий, тягучий, обволакивающий туман.

Хочется запустить пальцы в короткие жёсткие волосы, по-

гладить затылок, немного царапнуть шею.

Так же, как в прошлом году в Питере...

Блин... Вот я дура.

Отшатываюсь, резко заводя за спину предавшие меня руки.

Что я творю?!

Это же Гром!

Баранище!

Нет! Предводитель баранов. Король козлорогих.

– Ты... ты... – задыхаюсь, не находя слов. Щёки горят, сердце колотится как ненормальное. – Тебе кто разрешил?!

Цепляюсь за его футболку и пихаю назад.

Целоваться он тут вздумал. Долги какие-то нафантазировал. Оборзел!

– Долги нужно возвращать. Три поцелуя. Всё по-честному, – ухмыляется он, делая шаг назад.

– Да с чего бы это я тебе должна? – сверлю его гневным взглядом.

– Ты назвала меня железной лапой. Это раз. Потом идиотом. Это два. Ну и фига, которую ты мне показала. Это три. Всё верно?

– Нет! –ставляю вперёд кулаки.

– Ах нет? Я где-то обсчитался? Тогда давай продолжим, – тянет ко мне свои загнувшие лапы.

– Я тебе продолжу! – взвизгиваю, разворачиваясь в прыжке и тыкая ключом куда-то в район домофона.

– Ладно-ладно. Оставим сладенькое на завтра. Пока, мармеладка.

Шёпот раздаётся прямо в ухо, рассылая по всему телу бешеные мурашки.

Наконец попадаю ключом куда надо и дёргаю дверь, даже не дождавшись сигнала.

– В задницу иди, громила! – выкрикиваю, влетая в подъезд.

Несусь по ступенькам со скоростью реактивного самолёта. Даже про лифт забыла.

На седьмой этаж залетаю красная и задыхающаяся.

В кармане пилимкает телефон.

Кто там? Милка?

Читаю сообщение и хочу рычать.

“До завтра, мармеладка. И с тебя снова должок“.

– Да пошёл ты со своими долгами... – сжимаю кулаки, ищу в голове самое обидное слово. – Риелтор хренов.

...Хохочу, выныривая из воспоминаний.

Щёки предательски теплеют.

Да ну нафиг. Не понравилось мне.

Ну вот нисколько!

Снова сладко потянувшись, встаю и иду заниматься домашними делами.

Летняя пора, многие в отпуске, мама в больнице дежурит сутки через сутки.

Вспоминаю, как в детстве я тоже мечтала стать медсест-

рой, а потом придумала кое-что получше – решила стать самым настоящим врачом.

Нужный вуз обнаружился в соседней области. Подошёл нам с мамой и по оплате, и по наличию общежития.

Эх, осталось от каникул всего ничего. Ждите меня, любимый вуз и дорогие одноклассники. Скоро ваша мармеладка к вам вернётся.

– Мармеладка, блин! – фырчу, закидывая бельё в стирку.
– Вот прилепил же прозвище. И сам прилип!

Р-р-р!

Отгоняю назойливые мысли, отправляюсь на кухню готовить нехитрый обед.

Через пару часов наконец отзванивается Милка.

Пропавшая душа. Я ей весь телефон оборвала, а она, оказывается, под домашним арестом.

Да, натворила подруга дел. Как теперь расхлёбывать будет?

И ведь я даже не в курсе, что у неё с Захаром произошло.

Судя по разговору, мать её над душой стояла, пока она мне что-то блеяла про то, что временно будет не на связи.

Бли-ин... Только бы не совсем всё хреново было, раз даже телефона лишили.

Я Татьяну Егоровну в чём-то понимаю. Захар тот ещё засранец, и Милке стоит держаться от него подальше. Но запирать дома, полностью лишив подругу общения...

Кажется, она всё-таки перегнула со своим тотальным кон-

тролем. Мне-то почему к подруге нельзя?

А Захар, конечно, красавчик. Подставил девчонку по-крупному. До конца каникул чуть больше двух недель. Точнее, до конца лета. Самое время гулять и гулять, а Милке, как собаке, дома на цепи сидеть.

Вздыхнув, сбрасываю звонок и открываю переписку, где висит всего одно сообщение. То самое, про должок.

На аватарку не смотрю – ибо нечего мне тут нагло и до-вольно улыбаться. Медвежatina!

Да-да, мой хороший, именно так я тебя в телефоне и за-писала: медведь неотёсанный.

Ой, а чего это он в сети? А чего это он пишет?..

“Сегодня квест. Подхватчу на Пятаке“.

Квест?..

Выпадаю в осадок.

“Какой квест?“ – пишу в недоумении.

Что-то он мутит. Развлекательный центр с квестами у нас один, и ничего нового там сейчас нет. Мы с Милкой не так давно всё облазили.

Так что... удивить меня будет сложно.

“Без спойлеров. Тебе зайдёт“.

“Не. Обойдусь без поедания малины на скорость. И пожё-вывания собственной лапы“, – хохочу и отправляю.

Вот так тебе, медведище.

Ой, я же про телефон забыла!

“А что с моим гаджетом?“

“Телефон в процессе. Долг тоже. Два и три“, – отвечает и выходит из сети.

Что “два и три“?

Зависаю над экраном.

А потом до меня ка-ак доходит!

Мамочка моя...

Я что?.. Я сейчас?.. Напросилась?.. Сама?..

Да нифига подобного!

Лицо загорается так, что даже щиплет, в груди всё непонятно и странно ноет.

Бесит. Вот прям бесит.

“Перетопчешься“, – пишу дрожащими пальцами, но он не читает.

Хрен ему по всей роже, а не новые поцелуи! Не собираюсь никакие долги отдавать! Совсем обнаглел!

Вот же ж... медведь!

Ну всё.

Сам позвал – сам теперь и огребёшь.

Глава 8

Иду на Пятак одна.

Так странно и непривычно. Обычно мы с Милкой вдвоём ходим. А тут как тополь на Плющихе. Одна.

Дико как-то.

Ещё и зверь этот неодомашенный привязался. Прилип как банный лист к... тазику.

У, гад!

Сжимаю кулаки, раззадоривая себя перед встречей. Даже подпрыгиваю от нетерпения.

Ох, отомщу я тебе сегодня... И ты даже не поймёшь, как именно.

Не знаешь ты ещё, громыхайло, что последний квест мы с Милкой три раза прошли – нервишки закаляли. Потому что там стрём такой, что после первого раза долго удивлялись, как только энурез не заработали. Жуткий хоррор.

Подведу тебя прямо к скримеру, который нас в первый раз чуть до инфаркта не довёл. А потом к тупику, где мы с Милкой десять минут стучались, пока нас не спасли.

Хихикаю, предвкушая потирая ладошки.

Держись за штанишки, Громель. Будут тебе от меня под-сказочки такие, что семь кругов ада детской сказочкой покажутся.

Весело подпрыгивая, шагаю всё быстрее. Проскакиваю набережную, изредка кивая знакомым, ныряю за крытую террасу и...

Взгляд сразу цепляется за стоянку байкеров.

Красный, чёрный, снова чёрный. Синий, но не тот.

А где это мой отмороженный медведь?

Достаю телефон, кидаю взгляд на часы. Половина десятого.

Сдулся, что ли?

И дружочка его заклётого тоже не видно.

Вот динамо.

Или катаются, или снова бьют друг другу морды.

Ну и поделом.

Показательно отворачиваюсь, подхожу к киоскам, покупаю бутылку воды и спешу к площадке, до предела забитую молодёжью.

Солнце почти село, над площадкой начинают зажигаться фонари.

Пролезаю в самую глубь, ближе к динамикам и знакомым девчонкам.

– Марго, привет, – кричит в ухо Крис. – Как дела? Куда вчера исчезла?

– Медведей ездила приручать.

– Кого?

– Никого. Не суть, – смеюсь, отмахиваясь.

Музыка бьёт по ушам, тело само подхватывает ритм.

Прыгаю, кручу головой, машу руками. Волосы липнут к шее, в груди гулко стучит.

Жарко. Хорошо.

Реально хорошо.

Даже лучше, чем...

Чем с ним.

Да. Точно. С ним только нервы трепать. А тут – свобода. Никто не лезет, не хватает, не шепчет в ухо всякую чушь. Не сжимает, словно всё уже решил за меня. И не смотрит.

Фыркаю и начинаю двигаться ещё активнее. Громко визжу, когда звучит наш самый любимый этим летом трек.

– Девчонки, да вы сегодня зажигаете! – кричит сбоку кто-то из парней.

– А мы всегда зажигаем! – подмигиваю, вскидывая вверх руки.

И правда. Чего я вообще...

В такт музыке делаю шаг вперёд, потом в сторону, кручусь, чувствуя, как напряжение покидает мышцы.

Плевать, что его нет. Плевать, что не приехал. Плевать.

– Плевать. Плевать. Плевать! – прыгаю, громко хохоча.

Пробираюсь ещё ближе к динамикам. Прыгаю почти вплотную.

Тут намного жарче. И оглохнуть можно.

Но так даже классно!

Вибрация от басов отдаётся в груди, в ногах, даже в кончиках пальцев.

Зато не думается. Ни о чём.

Ни о каких ухмылках, дурацких намёках и этих идиотских “два и три”.

– Два и три... Два и три... – закрываю глаза.

Я вовсе не злюсь. И не раздражаюсь. И плевать мне на это дурацкое ощущение, что чего-то не хватает.

Не хватает?..

Оглядываюсь на стоянку байкеров.

Не-а, не приехал.

Да и нафиг.

– Не меня ищешь? – внезапно влетает прямо в ухо, перекрывая музыку. Вокруг талии обвиваются чьи-то руки.

Хотя... почему чьи-то? Очень даже понятно чьи. Медведя одного, который давно не получал по наглой роже.

Резко разворачиваюсь, отклоняясь назад.

Громель смотрит на меня иронично-остро. Предвкушающе как-то. Словно ждёт, что я рвану в сторону, а он перехватит и будет тискать, как хочет.

Тоже мне мышку нашёл.

Упираюсь ладонями в горячую железобетонную грудь и надменно приподнимаю брови.

Ты не котяра, громидзе. Ты обыкновенный русский медведь. Неуклюжий увалень!

И никогда тебе не угнаться за шустрой мелкой мышью.

– Ещё чего?! – возмущённо восклицаю. – Кто ты такой, чтобы я тебя искала?

– Кто такой? Неужели опять забыла, как меня зовут? Придётся напомнить, – качает головой и насмешливо лыбится, без всяких усилий притягивая меня обратно.

Шерудит по спине ладонями. Так плавно, мягко. Будоражеще. Словно кошечку гладит. Или мышечку.

И это на глазах у всех!

Эй, кто разрешал?!

Может, мне ещё помурлыкать? Или попищать от восторга?

Убью!

– Пофигу мне, как тебя зовут! Я не зову! Отвали! – фырчу, уклоняясь и уворачиваясь.

Ой, опять наклоняется к уху. Делает вид, что плохо слышно, хотя динамики далеко.

Стоп. Это когда он меня уволочь успел?

Ай! А зачем опять губами прислоняться?

– Отвали, Марк, – выдыхает он с нажимом на последнее слово.

Щекотно же!!!

– Гром! – визжу на ультразвуке. – Лапы убери, придурок! Вырываюсь и тру ухо.

– Четыре, пять, – хмыкает он, засовывая руки в карманы и глядя мне прямо в глаза. – Проиграла ты опять. Да, мармеладка?

Что “четыре, пять“?! Пять поцелуев?!

А у него от избытка сладкого одно место диатезом не об-

сыпет?

Замираю в ужасе и... предвкушении.

А у меня не обсыпет?

Вот же ж...

Так, нужно срочно прекращать эти ненормальные мысли.

Это медведь. Медведище. Дикий зверюга. И нам с ним явно не по пути. Любит сладенькое? Вот в Питер пусть свой валит, и там хоть обьестся, хоть заестся! А здесь ему ничего не светит. Ничего!

Делаю несколько шагов назад и глубоко вдыхаю, возвращая себе контроль.

– Нет! И вообще, долго ты собираешься тут стоять и считать? Или у тебя, кроме математики, других развлечений нет? – насмешливо щурюсь.

– Есть. Но ты всё время отвлекаешь, – склоняет голову набок, разглядывая меня с каким-то гастрономическим интересом.

Э нет, милый. Так не пойдёт.

– Ой ли? – фыркаю. – Ну давай тогда без отвлекающих факторов.

Немного подаюсь вперёд, выставя на него указательный палец.

– Ты же меня на квест звал, нет? Или это у тебя так... языком почесать?

В его глазах мелькает что-то острое. Почти довольное.

– Звал, – кивает. – И не передумал.

– Ну так пошли, – пожимаю плечами, делая вид, что мне вообще всё равно. – А то я уже начинаю думать, что ты языком только болтать умеешь.

Захлопываю рот и широко распахиваю глаза.

При чём здесь вообще был его язык? Куда меня понесло?

– Я имела в виду... – лепечу, наблюдая за быстро темнеющей радужкой, и срываюсь в сторону стоянки.

Ой! Ой-ой-ой!

Язык мой – враг мой.

Да хватит уже думать про язык!

Летим с Громелем по площадке, лавируя между шокированными сверстниками.

Я даже не оглядываюсь, но абсолютно точно знаю – он прямо у меня за спиной.

Неожиданно накрывает таким неудержимым весельем, что я начинаю хохотать в голос. Это очень плохо сказывается на моих беговых способностях, но я не сдаюсь.

Громко смеюсь, хватаясь за живот и иногда за чьи-то руки или плечи.

Вот это гонки по пересечённой местности!

– А ну, стой! – рычит Громель.

– Фиг тебе! – кричу, не оборачиваясь.

Подлетаю к стоянке, собираюсь проскочить между байками.

Конечной цели не вижу – от этого медведя неотёсанного нигде не спрячешься и никуда не убежишь. Это я понимаю.

Но меня подгоняет адреналин и сам факт того, что вот так просто он от меня ничего не получит.

А я хочу, чтобы получил?

Не-а!

– Отвали от меня, придурок! – визжу, когда он почти хватает меня за запястье, и ловко уворачиваюсь.

– Ещё слово, и тебе пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы пересчитать все свои долги!

– Ты плохо учился в школе. Я умею считать! – отпрыгиваю в сторону, прячусь за каким-то байкером.

– Эй, полудурочные, что вы творите? – парень вскидывает брови, наблюдая, как мы с Громелем бегаем вокруг него.

– С тебя теперь тоже должок, – хохочу ещё громче. – Если что, возвращать ему.

Торкаю пальцем в Марка.

Мне так смешно, что дыхание полностью перекрывает. Останавливаюсь, сгибаясь пополам и обхватывая себя руками. Ловлю ртом воздух.

– Ну что, далеко убежала? – Гром пользуется моментом, цепляя меня и крепко прижимая к себе.

Уткнувшись в него носом, заливисто хохочу. Его грудь тоже мелко вибрирует от смеха.

Классно мы с ним побегали. Мне уже никакого квеста не надо. И пофиг на всех, кто сейчас взирает на нас с недоумением. А может, и с завистью.

Фигушки! Таким прикольным медведем я делиться не го-

това.

– Жарко, – отстраняюсь, немного отдышавшись. Вытираю выступившие на глазах слёзы.

– Тогда предлагаю охладиться, – Марк кивает в сторону. Оглядываюсь.

Замечаю синий байк, а рядом чёрный.

Захар сидит, широко расставив ноги и облокотившись руками на руль. Задумчиво сканирует экран телефона.

И даже не замечает, как на него откровенно пялятся девчонки неподалёку.

У, Чеботарёв... Что-то ты задумал. Слишком уж рожа подозрительная. А это всегда плохо заканчивается.

Бедная, бедная Милка...

– Что это с ним? – спрашиваю, кивнув на Бота.

– Выжидает время, – Громель отпускает мою талию, но перехватывает за руку и тянет вперёд.

Не поняла...

– Какое время?

– Да неважно. Дело у него одно есть. У нас с тобой, кстати, тоже есть дело. Я уже договорился, можно ехать.

Договорился?..

С кем? О чём?

– В смысле? Насчёт квеста?

– Ага.

– Туда что, теперь по записи пускают? – ёрничаю.

– Не всех, – хмыкает он. – Только особых гостей.

Угу, как же. Заливай больше.

– Ну поехали тогда, особенный ты наш.

Подходим к байку.

Медведище мой садится. Я следом. Держу пионерское расстояние.

Не, ну а что? Мы же пока стоим, а не пытаемся обогнать космические шаттлы.

– Держись крепче, мармеладка, – Гром перехватывает мои руки и спокойно перекладывает себе на живот.

Я замираю, а потом хмыкаю и вольготно его обнимаю.

Сейчас можно. Потому что громила газует, а значит, вот-вот ка-ак стартанёт. Только нас и видели.

– Захар, давай, – кивает он другу и... газует.

Йо-хо!

Я же говорила.

Позёр.

Глава 9

Пока выскакиваем на дорогу, скольжу взглядом по танц-полу. Половина местных девиц косится на нас с восхищением. А вторая половина – с завистью.

Прищуриваюсь и поджимаю губы.

Наглые какие. Не видят, что ли, занят этот медведь!

Временно. Мной.

Так что нечего пялиться.

Закрываю глаза и некоторое время еду молча.

Кайф.

Ветер ласково щекочет кожу, гладит растрепавшиеся волосы, а ладони на каменном прессе Марка горят.

Я будто не за человека держусь, а за античную статую.

Получаю чисто эстетическое удовольствие.

Хочется провести пальцами выше. Проверить... у него сердце вообще бьётся, или там тоже камень?

Пока в голове творится всякая фигня, не сразу замечаю, что мы сворачиваем на уже знакомом повороте и устремляемся к выезду из города.

– Эй! – хлопаю Марка по плечу так, что он слегка дёргается. – Мы едем не туда! Развлекательный центр назад и направо!

– Туда и едем, не переживай, – хмыкает он, не оборачи-

ваясь.

От этого спокойного тона становится как-то не по себе. Что он задумал?

– В смысле “туда“?! – голос срывается на возмущённый писк. – Ты же сам про квест говорил!

– Так точно, – соглашается он, сбрасывая скорость перед крутым виражом. – Нас с тобой ждёт самый настоящий квест.

– Так точно, – передразниваю себе под нос. – Бе-бе-бе.

Ну вот что он врёт! Я что, не знаю, где в родном городе развлекательный центр находится?!

– Разворачивайся, дубина. Если не знаешь дорогу, мог бы спросить.

– Я-то знаю, – спокойно отвечает он, – а у тебя восемь.

В смысле, восемь? Когда я успела?

– Что ты врёшь, шесть было! – возмущаюсь и прикусываю язык. А я-то зачем считаю?

– Уже восемь, – со смехом парирует этот дикарь. – Готовь пальчики на ногах.

– Я сейчас на руках приготовлю, – мстительно впиваюсь ногтями в него сквозь футболку.

– Тигрица, – фыркает эта каменная гора, подхватывает мою руку и... целует пальцы.

Меня словно огнём простреливает от кисти до самого плеча.

Да ну нафиг. Нет.

Дёргаюсь, вырывая пострадавшую конечность. Хочется спрятать руки за спину. Но тогда я упаду.

Злобно рыкнув, кладу ладонь обратно ему на живот.

– Так-то будет лучше, – смеётся Громель, глянув на меня через плечо.

– Семь! – мстительно поджимаю губы.

Он некоторые время молчит, а потом кивает:

– Нечестно, но ладно. Я потом ещё наверстаю.

Ага, с-чаз. Обойдётся. Я вообще теперь рот не открою.

Всё время, пока мы непонятно куда едем, обиженно пыхчу.

– Ну и?.. – спрашиваю, не выдержав. – Когда приедем-то?

В область меня везёт, что ли? Ну да, ну да, пока доедем, пока квест, пока обратно. Мама меня тукнет, если я позже её с гулянки приду.

– Почти приехали, – он скидывает скорость и поворачивает.

Да ла-адно...

Не верю своим глазам.

Нет. Не может быть.

Это же знакомый поворот! Очень, очень знакомый.

Сердце начинает биться быстрее.

Неужели мне повезло? Медвежонок сам пришёл в ловушку и захлопнул за собой дверцу?

– Ты... – медленно выдыхаю, боясь спугнуть удачу. – Ты сейчас серьёзно?

– Без спойлеров, мармеладка, – довольно хмыкает он.

Да какие спойлеры, дружок? И так предельно ясно, что мы едем к... игогошкам.

Замираю, а потом расплываюсь в счастливой улыбке.

Ну держись... медведь. Сейчас я с тобой поиграю.

Съезжаем с асфальтированной дороги на грунтовую, некоторое время едем вдоль кромки леса, а потом этот заправский гонщик просто сворачивает в поле и несётся по высокой траве.

В темноте постепенно проступают едва заметные силуэты загонов и доносится негромкое ржание лошадей.

– Ты что, с дядькой Семёном договорился? – спрыгиваю с остановившегося у крайнего забора байка.

– Договорился, – подмигивает мне громидзе, – пока он ещё был хоть в какой-то степени адекватности.

– И зачем было так париться? Сказал бы сразу, я бы днём к нему забежала, – фыркаю, дёргая плечами, отворачиваюсь и иду к ближайшим воротам.

– Так же неинтересно, – он внезапно оказывается рядом, перекрывает мне дорогу и... становится на одно колено.

У меня глаза распахиваются так, что ещё секунда – и вывалятся.

– Ты... чего? – растерянно бормочу. – Офонарел?

Оглядываюсь. Может, начинать бежать, пока не поздно?

Но ноги будто приросли к земле. А в груди всё сжимается так, что дышать трудно.

– Не-а, – он неожиданно перехватывает меня под коленями, валит себе на плечо и встаёт. – А вот так гораздо интересней.

Мир переворачивается так резко, что в первую секунду я только растерянно пытаюсь хоть немного вдохнуть. А во вторую уже прихожу в себя.

– Пусти, полудурочный! – взвизгиваю и молочу его кулаками по спине. – Поставь меня на землю! Сейчас же! Я из тебя котлету сделаю! А-а-а! Люди, помогите!

– Тише, мармеладка. Лошадей перепугаешь, – Громель подкидывает меня, не давая сползти. Медвежья лапища прочно обосновалась прямо под моей филейной частью.

– Отпусти, идиотина, – шиплю. – Я с тебя шкуру спущу!

– И всё?.. – хохочет он. – Вываливай козыри.

Тащит меня куда-то, как мешок с картошкой. Никакого уважения к девушкам. Сейчас я ему вывалю. Такого вывалю – до следующего лета разгребать будет.

Полузадушенно хриплю все ругательства, какие только могу вспомнить, но через минуту затухаю. Во-первых, потому что начала повторяться. А во-вторых, как ни крути, а дыхания, когда висишь животом на каменном плече, не хватает.

– Теперь всё?

– Нет!

– Тогда мои уши в полном твоём распоряжении, – весело хмыкает он. – Только хочу предупредить...

– Нафиг иди со своими предупреждениями! Отпусти ме-

ня! Барана кусок! Гамадрил! Орангутан! Животное!

Набираю в грудь побольше воздуха. Не очень удаётся, но уж насколько хватит.

– И орангутан, и животное, – поддакивает он, ставит меня на землю, придерживая за плечи, и заглядывает в глаза. – Двадцать восемь, мармеладка. Я же обещал наверстать.

Откидываю назад волосы и открываю рот, чтобы выдать что-нибудь едкое, но тут он резко наклоняется, и мир перестаёт существовать.

Не могу сказать, что не хотела этого поцелуя. Где-то в глубине души хотела. Очень даже.

Но признаться в этом ему? Нет уж. Я даже себе признаться не готова.

Обвиваю руками его шею, запускаю пальцы в короткие волосы на затылке, веду ногтями по коже.

М-м... Да...

Слышу его прерывистое дыхание.

Моё собственное сбито не меньше, кровь по венам бежит быстрее, ноги ватные. Ещё и предательски подкашиваются.

Но я не падаю.

Потому что Гром крепко прижимает меня к себе, одной рукой по-хозяйски обхватив за талию, а другой держит шею, поглаживая скулу большим пальцем.

– Должок... – шепчет он, отстраняясь и обдавая мои губы тёплым дыханием.

– Заткнись, идиотина, – притягиваю его обратно.

Громель довольно рычит, целуя меня ещё жарче и сжимая сильнее.

Одобряет мой порыв.

Вот засранец.

В поцелуях он, однозначно, мастер. Это я ещё в прошлом году поняла, пока уматывала от него, прячась в толпе. Потому что тогда этот случайный поцелуй вызвал во мне такую бурю эмоций, что я ещё несколько дней ходила, как пришибленная.

Кто бы мне тогда сказал, что я встречу этого наглого байкера через год в родном городе... что сяду на байк... что буду получать наказание за несдержанный язык поцелуями...

Да я бы этому придурку рассмеялась прямо в лицо. И пальцем у виска покрутила. У его виска. С силой. Чтобы запомнил навсегда и больше такую ерунду не говорил.

Выплываю из тумана розовых облаков под тихий смех моего похитителя.

– Мармеладка, доброе утро.

Что?.. Какое утро?..

Расфокусированным взглядом смотрю в наглые насмешливые глаза.

– Ну что, мир? – Громель выглядит таким довольным, что так и хочется немного подкислить его настроение.

– Перетопчешься, – отталкиваюсь от него и на подрагивающих ногах подхожу к воротам.

Главное, сделать вид, что всё было задумано именно так.

И не потому что он такой весь невозможно залипательный, а просто... Просто мне нравится сам процесс.

Ну а что? Парням нравится целоваться ради поцелуя, а девушки чем хуже?

Слышу за спиной ироничный хмык.

Ага. Вот именно так и думай.

– Открывай, похититель, – дёргаю створку.

Лошадей в загоне много. Тёмные силуэты мирно переступают с ноги на ногу, фыркают, переговариваясь между собой.

Подталкиваемая Громом, осторожно захожу внутрь и... цепляюсь взглядом за одну очень странную деталь.

Брови самопроизвольно взлетают вверх.

У самого входа стоит осёдланная лошадь. И, в отличие от остальных, она привязана к столбу.

Странно...

Дядька Семён никогда бы так не сделал. Да и хозяева конефермы тоже.

Я же не раз приезжала сюда и знаю, что лошади хоть и содержатся в загонах, но огороженная территория очень большая, и можно сказать, что животные находятся на самовыпасе.

А тут такое...

– Марк, а это ещё что за... – оборачиваюсь, но договорить не успеваю.

Сильные руки подхватывают меня подмышки, и в следу-

ющую секунду земля исчезает из-под ног.

– Эй! Ты что творишь?! – только и успеваю пискнуть.

Меня легко, словно куклу, усаживают в седло.

Глава 10

Не успеваю даже толком схватиться за луку, как Марк одним уверенным движением запрыгивает следом, обхватывая меня одной рукой вокруг живота, а другой перехватывая поводья.

– Игогошки для Маргошки... – тёплое дыхание касается уха. – Почти как мой мустанг, только на четырёх копытах. Спорим, что ты и пяти минут на лошади не усядешь?

Возмущённо выдыхаю, мгновенно вспоминая собственные слова.

Ах ты ж...

Это же я тебя тогда подбивала на эту авантюру. А ты, гад такой, оказывается, и на лошадях умеешь. Вон как уверенно в седле держишься.

Зато я почти никак не держусь. Могу только посмотреть, погладить и яблоками накормить.

– Ты совсем с ума сошёл? – шиплю, пытаюсь повернуться к нему. – А ну верни меня на землю, гад!

– Ах, я ещё и гад? Тогда держись крепче, мармеладка. Но! Лошадь вскидывает голову, громко ржёт и срывается с места.

Мир превращается в стремительный поток тёмных силуэтов и глухого топота копыт. Меня нещадно трясёт, ноги бол-

таются не пойми где, ветер бьёт в лицо, выбивая из груди остатки воздуха, а руки хаотично ищут, за что бы зацепиться.

Визжу, инстинктивно хватаясь то за конскую гриву, то за запястье этого придурка.

– Баранина! – истерично воплю наполовину от страха, наполовину от захлестнувшего адреналина. – Если я свалюсь, я тебя убью!

– Не свалишься, – смеётся он, крепко прижимая меня к себе. – Я же обещал квест. Хотел выставить первый уровень – “Удержаться в седле“, но ты ведь сама вынудила. Теперь уровень называется: “Как меня зовут?”

– Полудурок тебя зовут! – ору, вонзая ногти ему в кожу.

Сердце колотится где-то в горле, перед глазами всё смазывается в непонятно дёргающуюся ленту, а внутри разливается безумная смесь ужаса и злости.

Ну всё, медведь... Теперь ты точно доигрался.

– Останови! Немедленно! А-а-а!

– Как только скажешь, как меня зовут.

– Ты издеваешься?! – пытаюсь обернуться, но съезжаю и ору так, что все ближайшие лошади с громким ржанием шаркаются в сторону.

– Ни капельки, мармеладка, – этот садист ещё и откровенно веселится. – Всё честно. Имя в обмен на остановку.

– Да я тебя сейчас... – задыхаюсь от возмущения и страха. – Тормози, полудурок! Медведь неотёсанный! Баранище!

Дубина стоеросовая!

В ответ раздаётся громкий смех. Марк слегка пришпоривает лошадь. Та ускоряется, а я перехожу на ультразвук.

– Га-а-а-ад!

– Неправильный ответ, – насмешливо тянет он. – Попробуй ещё раз.

– Иди к чёрту! – задыхаюсь, чувствуя, что сердце бьётся уже даже не в горле, а вообще во всём теле. – Останови сейчас же!

– Имя, мармеладка, – упрямо повторяет он. – Всего одно слово.

Лошадь мчится вперёд, копыта глухо стучат по земле, ветер свистит в ушах, а я понимаю, что выбор у меня не так уж и велик.

Но сдаться вот так просто? Да ни за что!

– Гром! – выплёвываю упрямо. – Доволен? Теперь тормози!

– Почти, – усмехается он. – Но это прозвище. Я жду настоящего.

– Да ты издеваешься! – возмущённо вскрикиваю. – Ненормальный! Псих!

В ответ он снова смеётся и дёргает поводья, вынуждая лошадь ещё немного ускориться.

Куда? Куда она ускоряется? У неё пропеллер под хвостом, что ли?!

Адреналин захлёстывает с головой. Я уже не понимаю, где

небо, где земля. И есть ли вообще хоть где-нибудь эта земля. Такое ощущение, что мы летим в космическом пространстве.

– А-а-а! Ты псих ненормальный! – ору и изо всех сил луплю Марка по рукам. – Остановись! Я же сейчас умру!

– А говорила, что ничего не боишься. Врунишка, – он ржёт во весь голос, одной рукой натягивая поводья и переводя лошадь на рысь, а второй удерживая меня, не давая съехать в бок. – Не дёргайся, свалишься ненароком.

– Я тебя убью! – визжу, вцепившись в его предплечье. – Только слезу – тебе не жить!

– Определись, мармеладка! Умрёшь или убьёшь?

– Убью, Гром! Я тебя реально убью! Тормози!

– Не-а. Я ещё жить хочу. Но!

Он едва заметно прищипоривает лошадь, и та снова срывается в галоп. Мир снова превращается в чёрте что, воздуха не хватает, и я уже не стесняюсь в выражениях, выкрикивая всё, что приходит в голову.

– Какая красочная палитра звуков, мармеладка, – хохочет Марк.

Я ему эту палитру в задницу вставлю. Только бы выжить сначала.

Пытаюсь двинуть его ногой, но в итоге только сильнее вжимаюсь спиной в широкую грудь и судорожно цепляюсь за мужские руки.

– Гро-о-ом, гад, останови!

– Как-как меня зовут?!

– Га-а-ад!

– Ещё раз... Как. Меня. Зовут?

Зажмуриваюсь.

Перед глазами пляшут звёзды, ладони предательски потеют. Ещё немного, и я либо действительно свалюсь, либо второе не дано.

– Марк! – выкрикиваю, сдаваясь. – Тебя зовут Марк! А теперь останови к чертям собачьим эту бешеную клячу!

– Вот видишь, можешь, когда захочешь, – довольно хмыкает он и натягивает поводья.

Лошадь постепенно замедляется, переходя с галопа на рысь, а затем на шаг.

Пытаюсь отдышаться, но выходит не скоро. Руки-ноги трясутся, тело онемело, задницу вообще не чувствую.

Если я сейчас каким-то чудом окажусь на земле, то ходить смогу примерно через неделю. Не раньше. И скорее всего, сначала на четвереньках.

– Уровень второй: “Удержаться в седле“, – внезапно сообщает Марк. И голос при этом настолько гаденький, что подвох я чувствую мгновенно.

– Да я же уже у... – цежу сквозь зубы, ощущая исчезновение поддержки со спины и на ходу глотая окончание фразы, потому что Громель в мгновение ока спрыгивает с лошади.

В смысле, удержаться? А он куда?

– Покатать тебя, мармеладка? – игриво подмигивает этот

упырь недоделанный, с самым невинным видом глядя на меня снизу вверх и поигрывая поводьями.

А я даже сделать ничего не могу – тело меня не слушается. Остаётся только проклятуший язык, который эту кашу заварил. Ему и расхлёбывать. Да только и он от предстоящей перспективы присох к нёбу.

Покатать меня? Одну?!

Да я же сейчас сдохну.

Внезапно в голову приходит гениальная идея.

Ну гад подколодный, держись. Нагнал страху, лови сдачу.

Вместо ответа поднимаю голову вверх, закатываю глаза и, поскольку язык всё ещё не работает, издаю невнятный стон. А потом расслабляюсь и начинаю, словно мешок картошки, сползать вниз.

Сползаю аккуратно, но быстро.

А то с него станется – не поймает меня, маханусь всем прикладом о землю. А меня такой вариант не устраивает.

Живым отсюда уйдёт только один. И это точно будет не Гром.

Мир вокруг слегка покачивается – то ли от бешеной скачки, то ли от моего выдающегося актёрского таланта.

Закатываю глаза ещё сильнее и безвольно обмякаю, ожидая, когда же меня наконец подхватят.

Подхватывают.

Сильные руки ловят меня прежде, чем я успеваю окончательно свалиться.

– Эй, мармеладка, ты чего? – громыхайло прижимает меня к своей широкой, вкусно пахнущей груди. – Марго?..

Молчу.

Пытаюсь изображать бесчувственное тело. Не дышать, конечно, не получается, но я стараюсь делать это хотя бы максимально незаметно.

– Вот это поворот, – хмыкает он спустя пару секунд. – Я-то думал, ты у нас боевая. А ты у нас барышня-крестьянка.

О-о, какие литературные познания. Пушкина вспомнил. А надо бы Шекспира. Трагедия века – укатал медвежatina несчастную девушку до бессознательного состояния.

Едва не хихикаю, но тут же вспоминаю о своей великой миссии.

Ну, что ты теперь будешь делать?

И почему не паникуешь, не посыпаешь голову пеплом?

Где испуганные вопли?

Где стоны в духе “что я наделал”?

Или: “Да что ж я за идиот такой, как я мог так поступить с таким прекрасным нежным цветком?”

Или, ещё лучше: “Вот я дубина стоеросовая, вот увалень недобитый! Казнить меня мало!”

Хоть какие-нибудь переживания где?

Эй, чурбан бесчувственный, у тебя на руках вообще-то пострадавшая девушка, а с тебя как с гуся вода.

– Ну что ж, – задумчиво тянет Марк, куда-то направляясь, – значит, у нас сейчас уровень три: “Доставить добычу

в логово“.

Ты, медведь, какое логово? Берлога – твой дом. Но я туда не собираюсь.

Едва удерживаюсь, чтобы не подсмотреть хотя бы сквозь щёлочку.

– Может, поцелуем тебя оживить, спящая красотка? – насмешливо добавляет он.

Моих губ касается тёплое дыхание.

Вот гоблин!

Всё-таки распахиваю глаза и... захлёбываюсь возмущением, встречаясь с его насмешливым взглядом.

– Где я прокололась? – злобно прищуриваюсь.

– Для человека без сознания ты слишком крепко держишься за мою футболку, – хмыкает он.

Вот блин.

Медленно разжимаю пальцы, но уже поздно.

Всё. Спектакль окончен.

– Поставь меня на землю! – шиплю, пытаюсь сохранить остатки достоинства.

Громидзе! Гад! Паразит!

– Как скажешь, – покладисто соглашается Марк и продолжает идти. – Но должен признать, попытка была неплохая. Я в первую секунду даже почти поверил.

Даже... Почти...

Недовольно отворачиваюсь.

Ну почему он меня постоянно переигрывает? Это уже да-

же нечестно.

– У меня вообще-то... – запинаясь, не находя достойного ответа, – ...голова закружилась! Вот.

Медведище понимающе кивает, при этом ехидно улыбаясь, а потом останавливается и ставит меня на землю.

Ноги тут же подкашиваются. Хватаюсь за его плечи.

– Видишь? Я не вру! – пыхчу ему в грудь.

– Зато ты только что перешла на следующий уровень, – довольно усмехается он и склоняется к самому лицу. – Но сначала ответишь за паразита.

Что?! Я этого вслух не говорила!

Или всё-таки – да?..

Глава 11

В карих медвежьих глазах сверкает золотой огонь.
Троллит меня по-чёрному. Ещё и наслаждается.
Гадёныш.

А вот не буду долги отдавать!

Пихаю его в грудь, в последний момент уворачиваясь от неминуемого поцелуя.

– Ничего я тебе не должна, – пыхчу куда-то в плечо. – Ты меня спровоцировал.

– Угу. Ещё как должна, – согласно кивает Громель, словно не заметив моего сопротивления. Скользит губами по моей щеке к уху и мягко прикусывает мочку.

Тело простреливает насквозь. По коже скачут бешеные мурашки, дыхание сбивается, внутри всё сладко и томительно сжимается.

– Отпусти, – стону, выгибаясь.

– Обязательно, – Марк оставляет в покое моё ухо, переключаясь на шею.

Это же какая-то египетская пытка.

Я ему сейчас двинуть должна, а потом обложить трёхэтажным. А вместо этого цепляюсь за широкие плечи, обнимаю жилистую шею, царапаю ногтями дублённую кожу на затылке.

Мой инквизитор довольно рычит и ни в чём себе не от-

казывает. Задирает мою майку, скользит чуть шершавыми пальцами по разгорячённой коже, пробирается к груди.

Изо рта вырывается несдержанный стон, едва мужская ладонь накрывает чувствительный холмик, слегка сжимая его.

– Не надо... – бормочу настолько невразумительно, что сама не понимаю, что сказала.

Нет, так не пойдёт.

– Тормози, – пытаюсь отстраниться.

Удаётся не с первого раза.

– Мармеладка, – хрипло шепчет Марк, опалив меня настолько тёмным взглядом, что зрачок с радужкой сливаются воедино, – мы с тобой что-то не на тот уровень перешли.

Убирает свои загребушие руки, одёргивает майку, поправляя края и задевая горящую кожу на животе.

Упираюсь ладонями в его грудь.

– Стопэ, ретивый. Мы так не договаривались.

– Пардон, увлёкся, – он тут же поднимает руки и делает шаг назад.

Вы посмотрите на этого нахала. Увлёкся он.

Хотя я тоже хороша. Поощряла его нехило. До сих пор дыхание восстановить не могу.

– Ещё раз так увлечёшься, я за себя не отвечаю, – угрожающе прищуриваюсь.

А что, я должна вину ощущать? Ага, с-чаз! Виноват по умолчанию всегда мужик. И только он. А мы, девушки, создания нежные и ранимые, и потому нам простительно всё.

И вообще...

– Ты там что-то про новый уровень говорил, – перевожу тему.

Громель смотрит немного насмешливо и так понимающе, что у меня внутри всё переворачивается.

– Да, – кивает, принимая правила, – новый уровень называется “Доверься проводнику”.

– Довериться проводнику? – развожу руки и показательно обвожу тёмное пространство вокруг нас. – После того, что ты творил на лошади? Ты за кого меня принимаешь?

– За девушку, с которой интересно играть? – подсказывает он, нахально улыбаясь и перехватывая меня за руку.

Игрушку нашёл! Собака подзаборная!

Иду за Громелем и морщусь.

Тело ноет, ноги деревянные.

– Так, – оглянувшись, этот садюга замечает мою болезненную гримасу. – Похоже, первый уровень был активирован принудительно и не совсем соответствовал технике безопасности.

Тянет ко мне свои загребушие лапы.

– Даже не думай, – предупреждающе выставляю перед собой ладонь. – Я сама дойду.

Ещё чего не хватало. Чтобы он опять меня на руках носил? Тело очень даже за, но я-то против! Ибо – чревато. Уже успела убедиться.

– Веди меня... мучитель, – киваю вперёд и делаю несколь-

ко шагов.

Хочется стонать и плакать. Плакать и стонать. А ещё немножечко убивать. Но об этом я подумаю, когда снова буду в ресурсе.

– Ну ладно, как хочешь, – он снова тянет меня за руку. – Я просто хотел помочь.

Помогатель нашёлся. Напомогался уже. Га-а-ад.

Пыхчу, но ладонь не выдёргиваю. Играть с этим громиллой действительно прикольно. Давненько я так не веселилась. Даже тот хоррор с Милкой теперь детским лепетом кажется. Ноющая филейная часть не даст соврать.

– Ну и куда ты меня ведёшь, соб... – осекаюсь.

А вдруг он всё ещё считает долги? Риэлтор хренов.

– Собираешься меня где-нибудь прикопать? – переобуваюсь на ходу и ловлю хитрый весёлый взгляд.

Всё-то он понял, понятливый наш.

– Собираюсь предложить тебе сыграть втёмную, – остановившись недалеко от входа в загон, Гром лезет в карман и достаёт какой-то шарфик.

– Эм-м... – тупо пялюсь на его руку. – Связывать меня будешь? Меня как-то бдсм не прикалывает. У меня даже стоп-слова нет. Хотя подожди, есть. “Отвали” подойдёт?

Может, зря я предложила следующий уровень?

– Не совсем, – хмыкает он, растягивает шарф и подносит его к моим глазам. – Лучше используй “Марк”.

Ага, обязательно. Так и распишусь в собственной беспо-

мощности. Быстрее солнце на землю сойдёт, чем я назову его по имени.

– Подожди, – настораживаюсь, выставляя вперёд ладонь.
– Сначала объясни правила. И без всяких подвохов.

А то знаю я его. Начудит, а мне потом разгребать.

– Без подвохов никак, – усмехается, подмигивая, и обходит меня. Становится за спиной. – Зато, если выиграешь, получишь приз.

Ага-ага, так я и поверила.

– Какой приз? – хмурюсь.

– Здесь на выбор. Вопрос или желание. Если выберешь первое, отвечу как есть, без балды. Желание тоже любое. Естественно, в пределах разумного.

Болтает, а сам уже завязывает мне глаза.

Вопрос или желание? Ну, желаний у меня к нему нет. Во всяком случае таких, которые можно озвучить. Потому что что-то типа “Вали нафиг” или “Провались к чертям” он вряд ли выполнит.

А вот вопрос... Над этим можно поработать. Пределы разумного тоже ведь разными бывают.

– А если проиграю?

– То же самое.

– Тоже в пределах разумного? – уточняю. На всякий.

– Естественно. Не попрошу ничего такого, что ты не сможешь исполнить.

Хм... Звучит двояко. Но ведь подписалась уже, поздно от-

ступать. Иначе распишусь в собственной слабости.

– А что делать-то надо? – запоздало спохватываюсь, по-
няв, что рядом со мной уже никого нет.

Расставив руки в стороны, медленно поворачиваюсь во-
круг себя.

С завязанными глазами ощущения меняются.

Мир будто сжимается, зато звуки становятся отчётливее.
Из загона доносится фыркание и негромкое ржание лошадей,
шелестит трава, стрекочут сверчки.

Запахи тоже ощущаются острее. Подвяленной травы, зем-
ли, тёплого животного духа.

Это так... волнительно и страшно. Чувствую себя
беспомощной. Невольно начинаю дышать глубже.

– Нужно довериться проводнику, – голос Марка раздаётся
дальше и откуда-то сбоку. – Слушать и выполнять всё, что
он говорит.

– А у тебя лицензия есть, проводник?

– Лицензия просрочена, но отзывы хорошие, – усмехается
он. – Иди вперёд. Пять шагов.

Вытягиваю вперёд руки и иду.

– А если ты затащишь меня в болото? – криво улыбаюсь.
Не собираюсь показывать ему свой страх. Перетопчется.

– Здесь есть болото? – переспрашивает с наигранным
удивлением. – Ладно, постараемся его обойти.

И снова голос его ещё дальше.

Ой-ой-ой. Только бы не ушёл совсем.

Невольно делаю ещё один шаг вперёд и сразу же слышу его предупредительное:

– Стоп. Без моей команды никаких движений.

Командир недоделанный.

Недовольно фыркаю, но не двигаюсь.

– В загон не пойду, сразу предупреждаю, – качаю головой.

– И не надо. Теперь поверни налево и пять шагов по прямой.

Осторожно двигаюсь, ощупывая землю носком кеда.

Страшновато вообще-то. И непривычно. Слева, если правильно ориентируюсь по доносящимся до меня звукам, как раз загон.

– Если ищешь лошадиные кучки, то их здесь нет, – фыркает моя личная троллятина.

– Если ты мне сейчас соврёшь, я тебя потом в одной из таких кучек притоплю, – предупреждаю под его весёлый смех и делаю ещё несколько шагов.

Нервы напряжены до предела, слух тоже. Всё-таки очень тревожно идти в неизвестность.

– Доверься проводнику, мармеладка. Здесь чисто. Почти. Почти.

Фыркаю, останавливаясь.

– Готово. Что дальше? – спрашиваю подрагивающим голосом.

– Перед тобой препятствие. Нужно перешагнуть, – командует он.

– Если это лошадь, я тебя убью, – предупреждаю, действительно упираясь ногой во что-то твёрдое.

– Это всего лишь бревно. Ногу выше... вот так.

Балансирую с вытянутыми руками и перешагиваю.

– Молодец, – одобрительно хмыкает громыхайло. – Теперь повернись боком. Здесь узкое пространство. Нужно сделать два шага вперёд.

Всё-таки решил запихнуть меня в загон? Убийца невинных девушек.

– Громель, я не пойду к лошадям, – мотаю головой, собираясь снять повязку.

– Готова проиграть, даже почти не начав? Нет там загона. Иди, не бойся.

Разворачиваюсь и послушно выполняю задание.

Сердце грохочет где-то в горле. Руки безостановочно шарят по воздуху, но ничего не находят. Наврал, что ли? Нет тут никакого узкого пространства.

– Три шага налево и разворот на девяносто градусов.

Делаю шаг.

– Нет, не на мой голос. Налево, – поправляет меня гадский проводник.

Поворачиваюсь и... Раз, два, три. Поворот.

– Четыре шага в сторону, не поворачиваясь.

Шагаю. Руки постоянно ощупывают воздух.

Боже мой, куда я иду?..

Где-то совсем рядом неожиданно громко всхрапывает ло-

шадь.

Вздрагиваю всем телом.

Мамочки... За каким лядом я на это подписалась?

– Что дальше? – голос предательски садится.

Так страшно без поддержки. Хоть бы чего-нибудь коснуться. Хоть бы какой-нибудь ориентир.

– Иди прямо теперь, на мой голос, – раздаётся сбоку. – Семь шагов. Стоп. Пригнись. Вот так. Осторожно, ударишь-ся головой.

Почти сажусь на корточки. Ползу вперёд.

Руки уже ощутимо дрожат. Ноги тоже.

– Можешь подняться. Ещё несколько шагов вперёд.

Только бы в загон меня не загнал. С этого барана станется.

Ой, он же не сказал, сколько шагов.

– Марк, сколько шагов? – имя вырывается неожиданно, и я уже почти жалею, что так глупо спалилась.

– О, мармеладка, ты вспомнила, как меня зовут?

Кто бы сомневался, что он воспользуется моей оплошностью.

Гад!

– Ты, придурок, мне страшно. Хоть что-нибудь говори!

– Стоп говорю, – смеётся.

Смешно ему.

Садист.

– Куда дальше? – а вот мне уже не смешно.

Не слышу ответ.

– Эй!

Но Громель молчит.

Глава 12

Отчаянно вслушиваюсь в темноту, но слышу только шум ветра, всхрапы лошадей в загоне и этих дурацких сверчков.

– Марк, – зову громче.

Оборачиваюсь вокруг своей оси.

– Громель, придурок, куда ты делся? – изо рта вырывается нервный крик.

Я уже не хочу играть. Такое впечатление, что я здесь совершенно одна.

Невыносимо страшно чувствовать себя полностью беспомощной.

– Мне надоело! – испуганно взвизгиваю, срывая с глаз повязку.

Всматриваюсь в темноту впереди, но ничего не вижу. Промаргиваюсь.

– Ты где?! Я ничего не вижу! – выкрикиваю истерично.

– Не надо ничего видеть. Уровень пройден, – раздаётся прямо над ухом.

Судорожно выдыхаю, разворачиваясь в прыжке, и почти наталкиваюсь на Громеля.

– Идиот! Напугал меня! – резко шарахаюсь назад.

– Да ладно, мармеладка. Хорошо же уровень прошла, – хохочет он, весело щурясь. – А говорила, у тебя клаустрофо-

бия. Смотри, как здорово всё получилось.

Разводит руками.

– Клаустрофобия?! – взвизгиваю, размахиваясь. – У меня не клаустрофобия, у меня громеофобия! Боязнь отдельно взятых медведей!

Дёргаюсь вперёд, налетаю на этого полудурочного шутника с кулаками.

– Угомонись, сумасшедшая, – ржёт он, перехватывая мои руки за запястья и заводя их за спину.

– На себя посмотри, – шиплю ему прямо в лицо, тщетно дёргая зажатými руками. – Дурак неграмотный!

– Почему же неграмотный? С чего такие познания?

– Потому что ты псих! Гад! – визжу, дрожа всем телом.

– Испугалась? – внезапно серьёзнееет он. Перехватывает меня одной рукой за затылок, гладит волосы, внимательно вглядывается в глаза. – Я думал, ты шутишь.

Шутила, да. Но не ожидала, что вот это ощущение слепоты будет таким страшным. Неужели у меня правда клаустрофобия? Никогда не замечала. Но я раньше никогда и троллей таких безбашенных не встречала.

– Прости...

– Простить прошу, но отомщу, дебила кусок!

– Опять забыла моё имя? – Громель осуждающе качает головой. – Плохо, мармеладка, плохо. Придётся повторить урок. Ну и за дебила теперь тоже ответишь...

Его лицо неминуемо приближается к моему.

Что, опять целоваться вздумал? А ху-ху ему не хо-хо? Напугал до полусмерти, ещё и сливочек со сметаной захотел? Морду ему вареньем не намазать?!

– Отвали, – шепчу, едва его губы приближаются к моим.
– Ты нарушил правила.

Чёрные брови недоуменно взлетают вверх.

– Когда это?

– Стоп-слово, – напоминаю.

Не собираюсь признаваться, что это было случайностью. Наша сила в нашей слабости.

– Ну о'кей, – соглашается он, прижимая меня к себе всё сильнее. – Правила нарушил. С тебя желание или вопрос. Но к обзывательствам это не имело никакого отношения.

Не успеваю даже возмущённо пискнуть, как мы снова целуемся.

И кто меня просил обзываться? Явно какой-то гадкий червячок внутри, которому нравится этот парень.

Забыв обо всём, яростно ему отвечаю. Тяну за футболку, заставляя склониться ещё ниже. Как же мешает эта разница в росте. И почему я не выросла каланчой, как он? Наравне воевать было бы гораздо удобнее.

Громель словно слышит мои мысли. Подхватывает под пострадавшую филейную часть и подкидывает меня на себя. Обвиваю его ногами и руками.

Теперь мы почти наравне.

Да, так гораздо удобнее.

Глажу мощную шею, немного царапаю затылок, вонзаюсь в его губы и довольно рычу. Слышу в ответ такой же довольный рык, дрожью отдающийся во всём теле.

Наслаждается, засранец.

Прижимаюсь к нему теснее, отвечая на каждое его движение языка и губ своим, таким же несдержанным.

Остро не хватает его наглых рук, которые держат меня, не давая сползти.

А вот ноги свободны, и кажется, они куда-то идут.

Шум крови в ушах заглушает все звуки, сердце бешено бьётся, по венам с немыслимой скоростью несётся жар, в голове абсолютная пустота.

Меня даже не смущает какой-то странный скрип, шуршание и то, что меня куда-то опускают. Под спиной что-то приятно колется.

На мгновение открываю глаза, но не понимаю, где мы. В сарае?

Нет. Кажется, это сеновал.

Ой.

– Гром, Гром, подожди, – испуганно вздрагиваю, отталкивая от себя нависшее сверху тело. – Мы так не договаривались. Стоп.

– Не договаривались, – согласно кивает он, в одно мгновение задирая мою майку и сдвигая вверх бюстгальтер. – Но сейчас договоримся.

Не договоримся мы!

Открываю рот, чтобы тормознуть это наглое млекопитающее, но его губы неожиданно накрывают мой сосок.

Меня обдаёт таким жаром, что вместо возмущения из горла рвётся несдержанный стон.

Выгибаюсь, царапая жёсткие плечи. Всем телом подаюсь вперёд.

Пока его губы жадно исследуют мою грудь, почти полностью отключая мозг, шершавая ладонь скользит по животу, быстро расстёгивает джинсы и тянет их вниз.

Мамочки мои...

Это ж он сейчас, даже не спрашивая...

– Гром, нет! – выстаниваю, жадно хватая ртом воздух и пытаюсь сопротивляться абсолютно новым для меня ощущениям.

Настолько они острые и пугающе желанные, что в голове постоянно что-то отключается.

– “Нет” – это нет, или “я ещё немного подумаю”? – шепчет он, быстро поднимаясь поцелуями вверх к шее, подбородку, и подвисяя на губах.

Рука застывает у кромки трусиков, обжигает низ живота, где всё сладко и болезненно сжимается.

– Нет – это “мы мало с тобой знакомы”, – выплываю из жаркого омута и тарашусь в его мерцающие в темноте глаза.

Цепляюсь за руку, пытаюсь отодрать её от себя.

– Так познакомимся поближе.

– В Питере будешь знакомиться поближе. Со своей девуш-

кой.

– У меня там никого нет. А здесь есть.

Торможу.

Это он мне сейчас так встречаться предлагает?

– И кто это? – спрашиваю на всякий случай.

– Ты, – отвечает он просто и больше не тратит время на разговоры.

Оттягивает мою нижнюю губу, мягко посасывает. Оглаживает живот и рёбра. Царапает, ведя по ним кончиками пальцев.

И я опять стону, забывая обо всём.

Внутри всё скручивается в такую тугую спираль, что не хватает сил противостоять этому мягкому напору.

Мужские губы соскальзывают по щеке, прихватывают мочку уха, ласкают шею, снова спускаются вниз, захватывая грудь.

Боже... Да это какой-то таран. Прёт вперёд, ломая моё сопротивление.

– Гром, Гром, да подожди ты, – испуганно верещу, когда он начинает спускаться ниже, выцеловывая на моём животе какие-то странные знаки.

– Успокойся, мармеладка, – шепчет возбуждённо. – Не собираюсь я делать тебе больно. Меня твой хвалёный бдсм тоже как-то не привлекает.

Не собирается он, как же. А ведь другого способа нет.

Пока отвлекаюсь на эту мысль, мой ласковый насильник

одним махом сдёргивает с меня джинсы.

– Я... – задыхаюсь, захлёбываясь собственным возгласом, потому что вот он, уже сверху. Уже голый! Прижимается своим торсом, трётся внизу вполне недвусмысленно, зажимает мне рот новым поцелуем.

Все оставшиеся доводы моментально выветриваются.

Когда-то же это должно было случиться? Почему не сейчас? Не с ним? Красивый парень, который мне к тому же очень нравится.

– Маечку тоже надо снять, – бормочет Громель сбивчиво, немного отстраняется и тянет её вверх. – Будет мешаться.

Ткань скользит через голову по рукам. Покорно поднимаю их вверх, позволяя себя полностью оголить.

– Вот так будет лучше. Верно? – не дотянув совсем немного, он оставляет её на моих запястьях.

Я связана собственной одеждой.

– Не опускай руки, – прижимает их за моей головой, ведёт ладонью по предплечью, плечу, гладит грудь, живот и ныряет пальцами ниже.

Творит со мной что-то непотребное, но очень, очень безумное.

Задыхаюсь, извиваясь под ним, не в силах сжать ноги и только крепче обхватывая его бёдра.

Мне жарко, сладко, хорошо. И до безумия остро.

Откуда-то изнутри поднимается тяжёлая тягучая волна, разрастается, заполняя меня всю. От неё становится так го-

рячо-горячо, что кончики пальцев немеют, и дыхания не хватает.

Хватаю ртом воздух и неконтролируемо дрожу. Подаюсь навстречу наглým пальцам, которые не собираются меня отпустить, поработая, заставляя метаться и сжимать в кулаках жалкие клочки сена.

Я уже не контролирую тело, не контролирую стоны.

Мне хочется ещё. Больше, быстрее, сильнее.

Наслаждение нарастает очень быстро и накрывает такой мощной лавиной, что я вскрикиваю, выгибаясь.

Меня трясёт так сильно, что перед глазами яркими вспышками пульсируют разноцветные круги, а лопнувшая пружина, раскручиваясь, посылает по телу невероятно огненные волны.

Пытаюсь отдышаться, почти не реагируя на мягкие, нежные поцелуи, которыми Громель покрывает моё лицо.

– Зажигалка, – шепчет в ухо, переключаясь на ключицы и шею.

А потом немного отстраняется.

– Марк... – широко распахиваю глаза и тяжело дышу, пока он, приподнявшись на локте, с удовольствием меня рассматривает.

– Ты очень красивая, – расплывается в довольной улыбке. – Настоящая конфетка. Будет очень вкусно тебя съесть. Всю.

У меня всё внутри замирает. И почему-то начинает дрожать нижняя губа. Флешбэки удовольствия никак не отпус-

кают, но я-то уже понимаю, что будет дальше.

– Дяденька, не ешьте меня. Я вам ещё пригожусь, – ляпаю неожиданно даже для самой себя.

Он замирает, а потом утыкается мне шею и начинает хототать.

Всё его тело вибрирует от смеха. А моё – от неожиданно нахлынувшего страха.

– Я только немножечко понадкусываю, – обещает сквозь смех.

– Немножечко не получится, – бормочу едва слышно. – У меня ещё никого не было.

Гром замирает, смех глохнет в горле. Приподнявшись на локтях, он долго и внимательно рассматривает моё лицо. Словно впервые видит.

С надеждой смотрю ему в глаза и хочу верить, что это признание как-то повлияет на его решение, но лишь вижу, как к гастрономическому интересу перемешивается крайнее довольство.

– М-м, мармеладка, – он широко улыбается. – Да ты полна сюрпризов. Скажешь мне “да” сегодня, или предпочитаешь ещё немного поиграть?

Ну что, мои хорошие...

Кажется, наш медведь и его мармеладка добрались до того самого момента, когда “ещё шаг – и всё уже не будет прежним”.

Дальше начинается самая интересная часть их истории: больше эмоций, больше откровений и, конечно, больше Грома на вашу (и Маргошину) голову.

Спасибо, что вы со мной. Пристёгиваемся и несёмся дальше.

Обещаю, будет жарко и без тормозов ##

Глава 13

Его слова обжигают сильнее любых прикосновений.

Замираю, ощущая, как под внимательным, почти чёрным взглядом рушатся последние остатки моей привычной уверенности.

Всё внутри тянется к нему. Пугающе безрассудно.

И сердце... оно колотится так, что,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.